

К О Н Ф У Ц И Й, У В А Р О В
и д р у г и е

*Komm her, Wir setzen uns zu Tisch;
Wer möchte solche Narrheit rühren!
Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch,
Wir wollen Sie nicht balsamiren.*

Goethe

*Приди и сядь со мной за пир,
Грустить о дрязгах перестанем,
Гниет как рыба старый мир,
Его мы впрок солить не станем.*

перевод Т.Н. Грановского

Санкт-Петербург, Первая линия

2000

Альманах

Консерватор

Почти научное, популярное издание

Редакционная коллегия:

Кириллов Алексей Николаевич

редактор

Васильев Виктор Петрович

Осипов Александр Васильевич

издатель

ISBN

5 – 93569 – 001 – 2

адрес:

СПб, Первая линия; av_osipov@mail.ru

лицензия:

ЛП N 000166 от 14.05.99

©: А.В. Осипов

К О Н Ф У Ц И Й

и другие

Диалог редактора с В.П. Васильевым

Редактор: В первом выпуске нашего издания мы начинаем серию Ваших публикаций, посвященных учению Конфуция. Не скрою, достаточно рискованное предприятие, поскольку не думаю, что большое количество читателей готово следить на протяжении нескольких выпусков за рассуждениями, многие из которых Вы сами называете весьма сомнительными.

В.П.: Я не понял. Вы ведь просмотрели большую часть из того, что подготовлено к публикации и согласились тем, что тема соответствует направлению альманаха.

Редактор: Договоренность действительно была, и я не собираюсь брать свои слова обратно, но есть чисто практическая трудность: издание может не дожить до ваших выводов, просто не окупится при том тираже, который можно предполагать.

После того, как я опрометчиво согласился печатать из номера в номер афоризмы великого китайского мудреца, я просмотрел ряд книг о Конфуции на русском языке, вышедших в последнее время. Нужно сказать, что я был удручен от всего этого.

Так называемые «мудрости» оказались либо просто трюизмами, либо некорректными суждениями, а большинство из них просто непонятно. Даже с подробными комментариями, которые, по-моему, еще больше затуманивают суть.

В.П.: Мне кажется, что Вы человек, несколько «испорченный» современным рационализмом. Попробуйте прочувствовать весь текст, понять его структуру, увидеть возникающие образы.

Редактор: Я искренне пытался сделать это, «мысля чувствами и образами», как советуют знатоки восточных учений. И что же получилось? Приведу пару примеров из книги «Афоризмы Старого Китая» (В.В.Малявин, 1991):

Если человек тверд, решителен, прост и несловоохотлив, то он уже близок к человечности. – Получилось, что это про товарища Сталина.

Любимец деревни – враг добродетели. – А это, по-видимому, про писателя Виктора Астафьева.

В.П.: Во-первых, если Вы действительно хотите понять человека или какое-либо учение, начинайте с того, что Вы принимаете. Из той же книги: *Благородный муж помогает людям увидеть то, что есть в них доброго, и не*

учит людей видеть то, что есть в них дурного. А низкий человек поступает наоборот.

Во-вторых, вы согласились печатать не афоризмы, а некий связный текст, из которого не всегда можно вычленять отдельные фразы. Афоризмы это красивые высказывания. Как и красивые женщины они не всегда бывают верны. Об этом говорит и сам составитель-переводчик в предисловии: «Смысл способен ускользнуть из того, что мнится нам совершенно ясным, но он манит к себе даже в бессмыслице».

Редактор: Хорошенькое дело! Я вкладываю свое время, терпение и переживания в издание, хочу, чтобы на его страницах было поменьше всякого вздора и в результате я — низкий человек. Кажется, я начинаю понимать тех, кто запрещал Конфуция. Ладно, приведу другой пример оттуда же:

Лишь когда приходят холода, становится ясно, что сосны и кипарисы последними теряют свой убор. — Но ведь это уже не «бессмыслица», это просто неверно. Сосны и кипарисы — вечнозеленые растения.

В.П.: Я думаю, что это просто конкретная недоработка переводчика.

Понять и перевести Конфуция — дело непростое. Если угодно, это одна из загадок века (этого или следующего). Вряд ли сейчас в России найдется человек, который стал бы утверждать, что он «пронзает одним», то есть способен связать воедино обрывки конфуцианской нити. Более двух тысяч лет эта нить скрепляла государственность народа, который был великим «уже в ту пору, когда наши предки еще жили в лесах».

Это даже не нить, это музыка, мелодии которой пронизывают века. Переводчики и толкователи пытаются понять, почувствовать эту музыку, и, если у них не всегда получается, если они иногда ошибаются в нотах, можно простить им это. Китайская музыка очаровательна, но непривычна европейцу.

Редактор: «О друг мой, Аркадий Николаич! Об одном прошу тебя: не говори красиво!» — сказал Базаров своему приятелю, когда они, сидя у стога сена, беседовали о возвышенном.

Что же касается музыки, то мне все это так нравится, что я позволю себе процитировать кусок подлиннее, уже из другой книги — «Афоризмы Конфуция» (И.И. Семененко, 1987). Автор сначала приводит один из афоризмов в собственном переводе [7.14]:

*Когда учитель был в Ци и услышал там мелодию «Шао»,
То три месяца не ощущал вкуса мяса
И говорил, что не ожидал от исполнения мелодии такого совершенства.*

А затем по поводу этого несчастного мяса идут две страницы настоящей симфонии, которая заканчивается апофеозом радости:

В данном случае радость понимается как очищающий «экстаз» — «нахождение вне», за пределами своего индивидуального бытия, в слиянии с космосом, и представляет собой исключительное по интенсивности переживание тотальной целостности.

В этом еще заключается смысл человеческого и любого другого «существования» («син»), которое вызывает поразительные ассоциации с термином «экзистенция». По аналогии с отмечаемой В.Тернером близостью в этимологическом плане слов «экзистенция» и «экстаз», объединяемых значением «находиться вне», «син» оказывается и тем и другим одновременно, ибо предполагает «выход» субъекта за границы своего бытия, сопровождаемый необычайно сильными и глубокими переживаниями. «Существовать — значит находиться в экстазе».

Я, как и Вы, разделяю мнение Блеза Паскаля, что далеко не всегда можно подходить к подобным вещам, «математически» разбирая их, но такая музыка не по мне. И вовсе не потому, что я ее не чувствую. Очень даже чувствую. Пожалуйста:

[1.1] *Не тот ли благородный муж, кто не досадует, что не известен людям.* — Это прелюдия, легкая волна лейтмотива.

[1.16] *Не печалься о том, что люди тебя не знают...* — Модерато. Тема развивается. Трогательная и нежная музыка.

[9.23] *Но не достоин уважения тот, кто не приобрел известности, дожив до сорока-пятидесяти лет.* — Крещендо. Вступают духовые.

[14.43] *Тот разбойник, кто в детстве не был кроток и послушен, достигнув старости, не приобрел известности, состарившись не умирает.* — Финал в духе Шнитке.

Прямо по пословице: «Между женским да и нет не проденешь иголки». Если вся «музыка» такая, то ищите себе другого слушателя.

В.П.: Я говорю, как умею... А вот Вы критикан, так нельзя. В любом подобном тексте, хотя бы и в Библии, каждый находит то, что ищет. Конечно, можно найти много противоречий, если задаться целью их искать. Не может быть, чтобы Вы не нашли кроме противоречий еще и что-либо интересное и полезное.

Редактор: Конечно, нашел. В книжке В.В. Малявина на стр. 21 афоризм: *Достаточно, чтобы слова выражали смысл.*

Более того, поскольку мы с вами договорились начать коллекционировать принципы консерватизма, то я предлагаю этот тезис в качестве первого принципа. Но только в несколько измененном виде, в моей редакции:

1°. Необходимо, чтобы слова выражали смысл.

В.П.: Хорошо, но только позволю себе напомнить, что, договариваясь, мы решили первым принципом сделать другой. Пусть он будет хотя бы вторым:

Я думаю, что учение Конфуция еще «закрыто» для нас. Этап, на котором мы сейчас находимся, это работа археологов, которые раскапывают деформированные от времени вещи и пытаются их классифицировать. Конечно, и мои публикации не претендуют на то, чтобы полностью «снять завесу», однако, я уверен, кого-то они заинтересуют.

Разумеется, Ваша критика была бы очень полезна, и я буду признателен, если Вы столь же придирчиво отнесетесь и к моим комментариям.

Редактор: Да, я сейчас все брошу и стану Вашим оппонентом. Мало того, что я занимаюсь изданием, которое – я уже это вижу – никогда не окупится. Вы еще вдобавок хотите, чтобы я у Вас служил – был наборщиком, корректором, ученым секретарем и рецензентом.

Те книги, что я цитировал, готовились в редакциях издательств «Наука», Московского университета и т.д.. Тексты защищались как диссертации, прослушивались на семинарах, публиковались предварительно в специализированных изданиях, где их обязаны были внимательно рецензировать.

И если великие ученые, доценты с кандидатами, получая зарплату, допускают подобные тексты, то это их беда, а я хочу, чтобы Вы как автор «вычитывали» их, причем сами.

В.П.: Вы зря так относитесь к «доцентам с кандидатами». Я с уважением относился к этим людям и раньше, а тем более в наше время. Они – зерна, которые потом дадут всходы, и их надо беречь. Учение Конфуция понадобится людям, когда они будут строить, а не разрушать, это инструмент, который будет работать.

Редактор: Быть может, я критикан. Но Вы – любитель пафоса. Я готов сто раз уважать востоковедов, но пусть не пишут глупостей.

Давайте посмотрим, как это все «работает». Вот я держу в руках книгу И.И. Семененко «Конфуций. Изречения». (МГУ, 1994 г.). Я уже не говорю о предисловии, но в качестве приложения сюда включена одна из первых биографий мудреца. Это все сплошная песня. Поскольку Вам, как я понимаю, все равно придется рано или поздно говорить о его жизни, я позволю себе привести пространные цитаты, выбранные практически наугад, – весь текст написан в «одной тональности».

стр. 98. *Конфуций сомневался в местонахождении могилы своего отца, ибо мать его об этом умолчала. Конфуций в детстве, забавляясь, часто представлял согласно ритуальному уставу жертвенные чаши и сосуды. После смерти матери, из осторожности, поставил гроб с ней временно на Перепутье у Пяти отцов. И лишь когда мать Ваньфу, уроженца Цзоу, поведала ему о том, где расположена отцовская могила, пошел и там захоронил ее с ним рядом на горе Фаньшань.*

— Почему надо было ждать смерти матери, чтобы узнать, где могила отца, я не понимаю. При чем тут жертвенные чаши и в чем выражается любовь юноши к мудрости?

стр. 99. *Конфуций был незнатен, беден. Когда он стал постарше, то назначался регистратором в дом Младших, считал, вымеривал, равнял; служил приказчиком и занимался разведением скота. Поэтому и был назначен управителем общественных работ. Отвергнутый, ушел из Лу; его прогнали в Ци, преследовали в Сун и Вэй, дошел до крайности меж Чэнь и Цай и после возвратился в Лу. Конфуций был девяти чи и шести цуней ростом, его все звали «великаном» и этому дивились.*

— Итак, что же получается? Паренек «считал, вымеривал, равнял» и был отвергнут. Служил приказчиком, и его прогнали. Занимался разведением скота, и его стали преследовать (видимо, попал под суд?). Не появляется ли у Вас какой-нибудь идеи — за что?

стр. 100. *Когда князь Великий спросил Конфуция о том, в чем заключается правление, Конфуций ему ответил:*

— *Это когда будет государем государь, слугой слуга, отцом отец и сыном сын.*

Князь Великий сказал:

— *Отлично! Воистину, если не будет государем государь, слугой слуга, отцом отец и сыном сын, то пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его вкушать?!*

Вы меня конечно извините, но любая царевна-лягушка ответила бы и остроумнее и понятнее. Дальше — чище.

стр. 100-101. *Когда на следующий день опять спросил Конфуция о правлении, Конфуций ему ответил:*

— *Править значит бережно расходовать богатства.*

А это уже совсем убогая сентенция в духе постсталинского социализма. Каждый, живущий в так называемой «хрущевке», чувствует «мудрость» этого тезиса на собственной шкуре.

Кажется, я начинаю понимать тех, кто считал Конфуцианство идеологией правящих классов. Только я бы поправил: идеологией ворующих классов. Во времена императоров хоть русских, хоть китайских было хотя бы то, чем мы до сих пор можем гордиться, а сейчас ведь время полной импотенции — ничего не способны создать. Хапают с крысиной целеустремленностью, чувствуя только запах денег, а нам объясняют про бережливость и кидают зарплату как обглоданную кость, объясняя, что де иначе будет инфляция, что страна в долгах (которые, кстати говоря, они сами и создали).

В.П.: Вот и Вы заговорили с пафосом. А ведь на деле в стране конкретно трудная ситуация, в частности с деньгами, которых сейчас просто нет, чтобы платить людям столько, сколько они заслуживают.

Редактор: И никогда не будет, пока этим занимаются Пимены Ивановы.

В.П.: Кто такой Пимен Иванов?

Редактор: Был такой герой одного рассказа, а теперь — герой нашего времени.

Ладно, последний эпизод и, по существу, единственный, где описывается, как «работает» учение Великого мудреца. То есть, как он сам управляет. Это ключевое место и я прошу Вас потерпеть и внимательно его перечитать.

стр. 105. *Правлению Князя Твердого шел четырнадцатый год, Конфуцию же было пятьдесят шесть лет. Как судебный управитель он временно стал замещать первого советника, лицо его при этом выражало радость. Привратник у него спросил:*

— *Я слышал, благородные мужи в несчастьи не страшатся, а в счастье не испытывают радости.*

Конфуций ответил:

— *Так говорят. Но не говорят ли: «радуюсь, что низшие в почете». Затем казнил сановника из Лу Шаочжэн Мао, ввергавшего правление в смуту. Три месяца внимал с другими делам правления, и продавцы барашков, поросят не набивали цен: мужчины не ходили с женщинами по одной стороне улицы; не брали ничего, что обронили другие по дороге; гостей, пришедших отовсюду в стольный град, без всякого их обращения к распорядителю, одаривали как вернувшихся домой.*

Узнав об этом, цисцы испугались и сказали:

— *Конфуций правит так, что Лу неотвратимо станет гегемоном, и если станет гегемоном, то наши земли от него всех ближе и Лу нас первыми захватит. Но почему бы их тогда ему не подарить?*

Лу Чу сказал:

— *Сперва позвольте попытаться им помешать. А не сумеем помешать, то неужели опоздаем отдать земли?!*

Итак, дяденька повозил сначала на протяжении 20 книг «низших» мордой в луже, затем порадовался за них, а на радостях приговорил своего предшественника.

В.П.: Он не «на радостях» приговорил, а за преступления...

Редактор: Я читаю как написано: «радуюсь, что...» Затем казнил... За что? За смуту, то есть, как я понимаю, как раз за то состояние в обществе, когда низшие в почете.

В.П.: Не совсем так, здесь несколько малозаметных, но существенных ошибок.

Редактор: Ладно, давайте с другого конца. Написано: *Благодетельный из Младших, беседуя с Конфуцием о правительственной деятельности, спросил:*

— *Что если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь?*

Конфуций ответил:

— *В ваших руках бразды правления, зачем нужны вам казни? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему.*

То есть, например, увлекся правитель конфуцианством и весь народ за ним устремился. И крысы тоже. И никого казнить не надо. Выходит, зря мужика повесили.

В.П.: Вы должны понять, что этот текст написан три столетия после Конфуция. Даже сейчас, когда пишутся биографии деятелей нашего века, в них много фальши. И тогда, когда хотят изобразить человека похуже, чем он был, и наоборот, когда хотят подсластить. А получается неправда.

Думаю, что здесь произошло вторжение уже более поздних традиций и привычек, когда казни становились более естественными и изощренными. Об этих изменениях пишет Павел Степанович Попов в своих лекциях «Краткий очерк уголовного законодательства Китая, с древнейших времен до второй половины X века по р.Х.» (СПб, 1880).

Редактор: Не знаю, что пишет Попов, надо цитировать, если Вы хотите, чтобы я понял Вас точно. Однако я не о том. Я говорю о лицемерии. Что же касается казней, то за последнее время я сильно изменил свою точку зрения.

В.П.: Людей убивать нельзя — это закон.

Редактор: Это не люди, а крысы. Со всеми крысиными повадками. Ни перед чем не остановятся, если почуют запах прибыли. Стену перегрызут. Железную дверь поставишь — железо перегрызут. Человек на пути станет — даже глазом не успеет моргнуть. Жрут все, а если много жратвы, то понадкусывают.

С кем поведутся, те тоже становятся крысами. Даже детей постепенно превращают в крыс.

Сейчас, говорит, надо учиться экономике! Чему учиться? Науке, из которой вырезали стыд и совесть? Как бедного за сапоги продать? Старики, тем трудно меняться. Нервничают, чувствуют себя не в своей тарелке, а их по Конфуцию: *Служа отцу и матери, их увещай помягче.* [4.18]. Примерно так: «папа-мама, я вас очень люблю, но вы же отсталые люди. Надо идти в ногу со временем».

В.П.: Вы говорите так эмоционально, что очень трудно возражать. Все-таки люди не крысы.

Редактор: Не знаю... Если не крысы, то бараны, которых нужно стричь. А чтобы получать ту прибыль, которую они получают, крысы организовали весь процесс так, что бараны сами себя стригут, сами свозят шерсть на сдаточный пункт и бараны же этим управляют.

Однако я так никогда не закончу. Вернемся от баранов к нашим барашкам, на которые, благодаря мудрому и чуткому руководству, цены перестали повышаться. Трогательная картинка в стиле одного из современных начальников, который ходил по Москве и следил, чтобы телятину не продавали из-под прилавка. Наверное, Конфуций пообещал народу, что под повозку ляжет, если жизнь начнет дорожать.

В.П.: Это уже Ваше воображение.

Редактор: Ладно, пусть так. Каким же образом правитель может остановить повышение цен? Существует несколько путей:

Первый — запретительный. Грубо говоря, поставить у каждого продавца по надзирателю и сажать в тюрьму, если что. Для того, чтобы осуществить этот путь, в государстве должна существовать особая структура власти (которая может создаваться по совершенно другим причинам, например, на период войны, по время глобальных социальных катастроф и т.д.). В этом случае применяются термины «полицейское государство», военное (чрезвычайное) положение и т.д..

Второй путь — соблазнительный. Закупать на стороне продукт и тем самым сбивать цены. Примером является то, что происходило в царствование Бориса Годунова в 1601-1603 годах. Вначале под угрозой голода ввозился хлеб в Россию, создавались льготные условия для торговцев из Европы, а в результате еще более страшные последствия.

И не надо льстить народу. Совсем недавно пели «возьмемся за руки», были очень довольны тем, что начальство обещало лечь на рельсы, а в результате — ни денег, ни мяса, ни крестьянина, ни желающих занять его место.

Третий путь — самый трудный для одних правителей и простой для других: необходимо следить за тем, чтобы поголовье этих самых «барашков» не уменьшалось и их разведение — скажем современным языком — стало бы рентабельным. Вряд ли для этого понадобилось бы много времени в России — стране, которая самим Создателем предназначена для того, чтобы кормить страны Европы, а не наоборот; не так много времени на это ушло бы и в Китае, но, думаю, все-таки не три месяца. За три месяца можно арестовать всех пастухов, но увеличить поголовье скота...

В.П.: Невозможно по одному тексту, которому, кстати сказать, уже более двух тысяч лет, восстановить все события того времени. Составитель предложил вашему вниманию лишь одну из записанных биографий мудреца, первую по времени из дошедших до нас. Тем не менее, ее автора отделяют от героя три столетия: примерно столько же сколько отделяли бы первого биографа Бориса Годунова от его героя, если бы этот первый биограф жил в наше время.

Редактор: Вы сами заметили, что сколько угодно фальшивых биографий пишутся и современниками. Причем тут два тысячелетия? Хоть бы и десять. Если какой-нибудь дока раскопает в Самарканде или где-нибудь еще древний текст, в котором написано: *Буль-буль плюс бу-бу равно блю...*, и будет прыгать вокруг него и говорить, что эта первая из известных человечеству теорем, что автор, стало быть, выше Пифагора и т.д., то как я должен реагировать? Меня принимают за чичиковского Петрушку, а я должен кланяться: ах, спасибо; ах, первая биография...

В.П.: Подождите, мы говорим о составителях или о Конфуции? Если о Конфуции, то я хотел бы продолжить: существуют и другие, более внятные биографии. Одна из них, вполне «нормальная» и написанная по «законам здравого смысла», содержится в той же книге Павла Степановича Попова, из которой я привожу диалоги Конфуция.

Другая — биографический очерк К.М. Карягина — была опубликована в серии Жизнь Замечательных Людей, издаваемой Ф.Павленковым, в 1897 го-

ду. Карягин при этом использовал множество других источников. Вот как выглядит у него тот же эпизод с «разведением скота».

Он узнал, что один богатый землевладелец держал на откupu всю мясную торговлю и, приобретая из первых рук задешево гурты скота, продавал его в розницу втроедорога. Конфуций, зная, что вся тяжесть этой монополии падает на один только бедный класс народа, решил прервать зло в самом корне и призвал к себе монополиста.

— Я слышал, — сказал он ему, — что вы один из первых богачей в городе. Мне это было бы очень приятно, если бы вы приобрели свои богатства трудом или честным промыслом; но я слышал, что они приобретены совершенно другим путем. За это вы заслуживаете строгого наказания, которое я, однако, сменяю на милость, но с условием: вы должны возратить народу все, что награбили у него. Возвращение это может быть сделано без ущерба для вашей чести. Из всего вашего богатства вы оставьте у себя столько, сколько вам нужно для безбедного существования, остальное же передайте мне. Я сумею распорядиться им как следует. Не оправдывайтесь, не думайте обмануть меня; даю вам несколько дней сроку!

Откупщик повиновался требованию Конфуция, и его богатство пошло на общественную пользу под названием «добровольного приношения».

Редактор: Да... Уже гораздо понятнее. Сладкая сказочка. Розовый сон. Он что, был коммунистом?

В.П.: Мы же договорились не вешать ярлыки. Давайте все-таки зафиксируем нашу договоренность в виде принципа, с которым Вы сами согласились.

3°. (Принцип Наполеона): Ослы и ученые — на середину.

Этот замечательный принцип означает, что ученый не должен принимать участия в политической баталии. Кто-то ведь должен изучать ситуацию с «марсианской» точки зрения. Как врач, который должен забыть про то, что перед ним его брат или его враг, глупый человек или умный — он должен понять его болезнь и ее излечить. Так и ученый, мудрец, государственный человек, должен забыть о своих пристрастиях и поступать так, как будто он прилетел с Марса. Его должно лишь волновать благо общества. Это, кстати, один из краеугольных камней учения Конфуция. Он конечно же не был «коммунистом».

Редактор: Как это трогательно. И какой же Вы славненький. Я теперь буду руководствоваться Вашим принципом и терпеливо носить на ушах лапшу, ощущая себя одним из тех двоих, которых на середину.

Однако, вынося Ваш пафос, я хочу, тем не менее, отметить, что он нехстати. Я имел в виду вовсе не Конфуция, а Карягина. На ученого он не тянет, хотя, разумеется выше нынешних уже тем, что в его словах есть смысл, который можно обсуждать. Но уши все-таки карягинские — вряд ли Конфуций был столь же наивен, как бы я к нему ни относился.

В.П.: Разумеется, вопрос о разведении скота является ключевым в любой экономике, я с этим согласен.

...когда его [старика Катона] спросили, что именно самое выгодное для ведения хозяйства, он ответил: «Хорошо разводить скот»; что на втором месте, — «достаточно хорошо разводить скот»; что на третьем месте, — «разводить скот дурно»; что на четвертом месте, — «пахать землю».

А когда спрашивавший сказал: «А отдавать деньги в рост?» — то Катон спросил: «А убить человека?»

Цицерон «Об обязанностях»

Я хочу подчеркнуть свое согласие с тем, что проблема характерна и важна, однако автор короткого биографического очерка не должен, наверное, заниматься разбором подобных сюжетов.

Редактор: А чем же он, извините, должен заниматься? А автор книги о Галлиее не должен знать физики? Говорят о крестьянине и стесняются говорить о навозе. Говорят об экономике и стесняются говорить о разведении скота.

В.П.: Почему же... У нас много говорят о фермерстве.

Редактор: Разговор о фермерстве обычно идет у нас в одной связке с темой: «Как накормить страну». При этом говорящий подсознательно, но достаточно уверенно предполагает, что при обсуждении темы «страна — фермер» речь может идти только о том, как это лучше сделать. А то, что крестьянин не для того создавался, чтобы кого-либо кормить, а для того, чтобы жить на этой земле, — это никому не приходит в голову. И в результате общественного договора должно быть выбрано правительство, которое должно обеспечивать его интересы: ремонтировать дороги, строить больницы, школы, рынки, охранять и делать многое другое.

Вот этим и следует заниматься правительству, но не лезть в право крестьянина продавать продукт по той цене, по которой он желает продавать.

В.П.: Как я понял, в отрывке речь шла о монополисте, а не о крестьянине.

Редактор: И почему же крестьянин не увеличил цены сам, или же другие торговцы, заметив, что можно получить хорошую прибыль, не составили конкуренцию, сбив цены?

В.П.: Наверное, монополист не давал это сделать.

Редактор: Каким образом? Запугал остальных торговцев? Установил полный контроль над рынком? Получил *carte blanche* от государства?

В.П.: Не знаю, но, по-видимому, какой-то элемент насилия должен был быть.

Редактор: Во времена Конфуция счет населения Китая уже шел на миллионы. И в каждой деревне разводили скот. С помощью только лишь «элементов»

трудно было бы контролировать весь рынок скота. Думаю, что с этим «контролем» и следовало бороться Конфуцию, а не сражаться с теми, кто разбогател на торговле мясом. В Аргентине много людей на этом разбогатело. И что, плохо? У нас же мясокомбинаты работают на импортном сырье, хотя Россия по своим природным данным должна была бы снабжать мясом и маслом полмира.

Перейдем теперь к следующему тезису: *мужчины не ходили с женщинами по одной стороне улицы*. Что бы это означало?

Нет, я могу понять традиции, знаю, что такое бывало и в Европе, хорошо бы и у нас ввести что-нибудь подобное: жена пилит: сходи за картошкой, сходи за картошкой, — а я ей: ну уж, милая, овощная лавка-то на вашей стороне — сама и иди.

Очень было удобно это сделать, но как? Да еще и за три месяца?

Следующее замечание поважнее: *не брали ничего, что обронили другие по дороге*.

Это действительно очень важный момент. Никогда ни одно государство не сможет быть не то что процветающим, но даже более или менее нормально функционирующим, если в обществе нет того, что называется «атмосфера доверия». Известна формула Менделеева: «Капитал есть не золото, а доверие».

Об этом пишет примерно в то же время и Г.Шлиман: «Доверие! Это есть главная пружина, придающая регулярное движение всему общественному организму и ручательство за постоянный успех во всех отраслях промышленности...»

Лишь в кошмарном сне можно представить себе, что произойдет с «общественным организмом» любой из так называемых «развитых» стран, где люди перестанут доверять друг другу.

В.П.: Тем не менее, у нас бытует мнение, что именно там мы сталкиваемся с атмосферой взаимного недоверия. И это мнение подтверждается многочисленными примерами, за которыми не нужно ехать на Запад.

Редактор: Во-первых, в любом «общественном организме» каждый видит то, что хочет увидеть.

Во-вторых, вы пользуетесь «выборочной статистикой»: поведение «нормальных людей» не привлекает внимание, и вы его не замечаете.

В-третьих, взаимное недоверие на «большом политическом уровне» это слишком сложная штука, чтобы ее устранить одними разговорами, однако штука вторичная. Первичным является, по-видимому, все же самое обычное воспитание в семье: «Не бери то, что тебе не принадлежит». Даже если никто из смертных не видит — видит Бог.

В.П.: Вряд ли тот, кто не верит в Бога, отзовется на Ваш призыв.

Редактор: Вряд ли взрослые верят в Деда Мороза, однако с удовольствием играют в него. Если вас ребенком приучили не рисовать в лифте, даже если вы там один, то вы не будете этого делать и потом.

В.П.: То есть Конфуций ввел замечательную традицию...

Редактор: Традиция (если это традиция, а не нечто другое) действительно замечательная. Однако совершенно невозможно представить себе, чтобы кто бы то ни было ее мог ввести. Такие вещи не делаются за три месяца. Они вызывают безусловное уважение к народу, но мне не все равно, каким образом подобные традиции «прививаются».

Давайте посмотрим это на примере и процитируем кусок из книги Лянцичао «Личунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет» (СПб, 1905), которую вы мне дали просмотреть. В этом отрывке описывается жизнь и деятельность Шаньяна — одного из государственных деятелей древнего Китая.

стр. 326-328. *Шаньян колесован в 31 году Чжоусяньван (338 г.д.Р.Х.). Служил у деда императора Циншигуанди Сяогуня князя удела Цинь — «гостем сановником», то есть пришел на службу из другого удела (Вэй) и имел почетное название Шанцзюнь. Был глубокий знаток юриспруденции. Прославился введением круговой поруки по 5 и 10 семейств. Издал закон о награждении доносителей и наказании недоносителей по законам военного времени, о высших отличиях на войне и тяжелых наказаниях за драки. Ввел обязательные занятия хлебопашеством и хлопком; отличившиеся на этом поприще освобождались от принудительных общественных работ. Очень характерны его мероприятия против купцов и всех элементов, оперирующих за счет труда землевладельца — заключавшиеся в перечисление их в «государственных рабов», наравне с нищими и лентяями. Замечательно также постановление, что лица императорской крови, не оказавшие услуг на военном поприще, исключаются из списков царствующего дома. Уничтожил общинное землевладение (цзинтянь) и ввел подати земельные и др. Прежде опубликования проекта реформ он поставил высокий столб у южных ворот города и обещал 10 лан тому, кто перенесет его к северным воротам. Народ в удивлении не решался. Тогда он предложил 50 лан и наконец один человек перенес его, за что и был вознагражден.*

Не прошло и года после введения реформ, как в столицу прибыла депутация недовольных и одновременно с этим наследник престола совершил проступок. Шаньян, признавая незаконность проступка наследника и вместе с тем неприкосновенность его личности, приказал предать суду учителей наследников, дабы показать народу строгость и неукоснительность закона. «Закон», — говорил он, — «не имеет силы только потому, что нарушается представителями верховной власти». Успокоенные этим действием Шаньяна, доказывающим одинаковое применение закона ко всем сословиям, депутаты разошлись.

Уже через 10 лет оказалось следствие этих реформ. «Никто не боялся, что оставленное на дороге может пропасть», — говорит историк, — «народ храбро боролся против внешних врагов и неохотно шел на раздоры».

Восставшие против реформ высказались за безусловное их значение для государства. Но Шаньян сказал: «весь беспорядок происходит из-за этих людей», — и выселил их на границу империи. После этого никто не решался

ничего говорить о реформах. Эти реформы послужили зародышем будущего объединения империи под властью императора Циншихуанди.

По смерти Сяогуна на престол вступил его сын Хуйвэнван. Шаньян был обвинен в измене и принужден бежать. По дороге он думал остановиться на постоялом дворе, но у него не оказалось свидетельства, удостоверяющего личность. «По закону Шанцзюня хозяин отвечает за беспаспортных», — сказал ему хозяин двора. «Я сам издал закон на погибель себе!» — воскликнул Шаньян. Все-таки ему удалось бежать в удел Вэй, но тамошний князь выдал его Хуйвэнвану и Шаньян был колесован.

Итак, Шаньяну понадобилось 10 лет и использование мер, мягко говоря сомнительных. Как же удалось решить эту проблему Конфуцию за три месяца?

В.П.: Я могу теперь спрогнозировать Вашу реакцию на последнюю фразу: «гостей, пришедших отовсюду в столичный град, без всякого их обращения к распорядителю, одаривали как вернувшихся домой...»

«Что человек из города Бордо;

Лишь рот открыл, имеет счастье...»

Редактор: Скорее наоборот — я удивляюсь наивности китайцев.

«Но хуже для меня наш Север во сто крат,

С тех пор как отдал все в обмен на новый лад...»

В.П.: Раз уж мы открыли книгу Лянчичао, то я могу подлить масла в огонь, предложив Вам цитату из всеподданейшего доклада Лихунчжана, написанного в 1872 году:

Я смею думать, что в течение только ста десяти лет все европейские государства из Индии перешли по Южно-Китайскому морю и от Южно-Китайского моря к самому Китаю. Они вошли в границы, потом внутрь страны. Все те государства, о которых даже не упоминается в нашей официальной истории, с которыми мы издревле не имели никаких сношений, стучатся у дверей, прося рынков.

Милость нашего Государя равна поднебесной: со всеми ими были заключены торговые договоры, чтобы дать им подачку и успокоить их.

Все национальности собрались в Китай со всех четырех сторон земного шара: с востока и запада, с юга и севера, из дальних областей на девяносто тысяч ли. После трех тысяч с лишком лет спокойной жизни совершается великий переворот».

Редактор: То есть получается: намазали медом, а потом удивляются, что мухи слетелись.

Знаете что, мне надоело это обсуждение. Чтобы закончить с ним, я хочу сказать следующее. В XVIII веке жил такой человек — Иоанн Масон. Кроме всего прочего он написал несколько трактатов. В России наиболее популярной была книга «О познании самого себя», издававшаяся трижды при Павле — в 1794, 1796 и в 1800 годах. Мне ее показывал Александр Васильевич, который собирается рассказать нам про С.С. Уварова.

Одно место в этой книге (стр. 145, 1800 г.) мне очень понравилось, я его выписал и предлагаю в качестве очередного принципа:

4°. (Принцип Масона):
Ежели способность плоха, то не отягощай ее. Равно дурные следствия
происходят от обременения памяти, как и от переполнения желудка.

Так вот, я объявляю, что у меня способность плоха. Бога ради, пишите, что считаете нужным, но не заставляйте меня при этом «находиться в экстазе».

Давайте перейдем к представлению авторов тех переводов, которые привлекли Ваше внимание. Где же те востоковедения «отцы, которых мы должны принять за образцы?»

В.П.: Можно, я сначала скажу совсем кратко то, что обязан был сказать с самого начала, но не получилось.

Из философов древнего Китая я бы выделил два поколения. (Разумеется, имея в виду лишь тех из них, чьи тексты прямо или косвенно дошли до нас в более или менее полном и расшифрованном виде.)

Двое наиболее известных и почитаемых из первого, старшего поколения это **Лао Цзы** (Lao Zi, 580-500 В.С.) и **Конфуций** = **Кун цзы** (Kong Qiu = Zhongni = Confucius, 551-479 В.С.).

Лао Цзы ввел понятие «дао» как источник всей жизни и хаотического порядка вещей в мире. Как семя порождает новые семена, так и «дао» порождает всю цепочку, ведущую к «цветущей сложности», является своеобразным генератором. Человеческое существо не способно наблюдать «дао» и может лишь вечно сомневаться в его существовании. «Подобно императору, я не знаю, кто есть чей сын» — говорил Лао Цзы.

Редактор: Это похоже на то, что мы уже обсуждали. Я имею в виду отрывок, где сказано, что сын должен быть сыном и т.д.. Только здесь как-то все наоборот.

В.П.: Нет, здесь смысл другой. По-видимому, он заключается в том, что философ как бы поднимает себя над порождающей цепочкой, чтобы наблюдать ее. Если говорить о «приземленной интерпретации», то смысл я вижу в том, что для императора судьба детей последнего и беднейшего из его подданных не менее важна, чем судьба детей его приближенных. Они все его подданные. Впрочем, я не могу сказать, что в данном случае уверен в правильности понимания.

Редактор: Удивительные люди философы. Зачем говорить о вещах, в которых не уверен?

В.П.: Если люди будут обсуждать только то, в чем абсолютно уверены, то через два-три поколения они будут говорить только «хрю-хрю» с небольшим количеством оттенков.

Время названных мною китайских философов — время Эзопа, Пифагора, Гераклита-Эфесского, Анаксимандра и многих других, называемых ранними

греческими философами. Синхронизация — удивительная вещь, и следующая заметная волна появляется через пару сотен лет и в Китае и в Греции.

Один из философов этого поколения — Чжуанцзы (Chuang-Tzu, 369-286 В.С.) в своем трактате, состоящем из 33 глав (перевод его, сделанный Л.Д. Позднеевой в 1964 году, переиздан в 1994 году в книге под названием «Мудрецы Китая»), многократно обращается к поучениям как Лао Цзы, так и Конфуция.

Авторитет последнего был столь велик, что конфуцианство превратилось в почти религиозное учение, а в прошлом веке стали использовать в исторических записках летоисчисление со дня рождения Конфуция. Однако, по-видимому, полное понимание учения Конфуция было утеряно в самом Китае. Вот что пишет один из мудрецов и государственных деятелей средневекового Китая Хань Юй в заметке «Читая Сюнь-Цзы» (Хань Юй, Лю Цзюнь-юань. «Избранное», М., Худ. Лит., 1979):

Только из сочинений Мэн Кэ я понял, как чттили некогда учение Кун-цзы. Путь правдивых и мудрых пролег через превратности и перемены. Князя сменял князь, властителя — властитель, но никто из них не смог достойно продолжить дело Кун-цзы. Из совершенных и мудрых за Кун-цзы следовал один лишь Мэн-цзы.

На Западе знали о Конфуции давно. Интерес к нему проявлял Лейбниц. Джефферсон (президент США) писал, что конфуцианская экзаменационная система является «одним из краеугольных камней в фундаменте американской демократии».

Первым ученым, который предложил серьезный и достаточно полный перевод Конфуция, следует считать, по-видимому, Легга. Он работал во второй половине прошлого века, переводил много, в частности Лунь-юй (Диалоги), хотя и был настроен пессимистично в отношении возможности дать более или менее вразумительный перевод. Точнее говоря, более или менее вразумительную интерпретацию.

Книги Легга переиздавались много раз и наиболее «представительная» из них, по-видимому, *J. Legge. The Chinese Classics with a translation, critical and exegetical notes. V 1,2. Hong Kong. 1960.*

В России более или менее полный перевод «Диалогов» был сделан впервые академиком Василием Павловичем Васильевым (1818-1900): В.П. Васильев. Китайская хрестоматия проф. Васильева. т. II. «Лунь-юй», СПб., 1884, 88 стр.; Изд. 2-е: СПб., 1894, 94 стр. Хотя и Конфуций и многие эпизоды из «Лунь-юй» были известны в России и за несколько десятилетий до этого.

Следующей серьезной попыткой был перевод, сделанный учеником В.П. Васильева — Павлом Степановичем Поповым. Его я и хочу представить в Вашем издании. Мне он нравится: сделан весьма серьезно, с подробными комментариями. Жаль, что мы не можем сделать факсимильное издание — для того, чтобы можно было проследить и расшифровку иероглифов, и те синонимические варианты, которые помогают при анализе текста.

Редактор: Будем надеяться, что институты востоковедения сделают это.

Однако я хочу заметить, что, например, у И.И. Семенов в «Афоризмах Конфуция» нет упоминания о П.С. Попове, хотя библиография состоит из 161 названия, и приводится лишь одна книга В.П. Васильева, но другая. У Л.С. Переломова в книге «Конфуций: жизнь, учение, судьба» в библиографии из почти 400 названий нет ни одной книги В.П. Васильева и приводится одна книга Попова, но тоже другая — о китайском философе Мэн-цзы.

В.П.: Не знаю. Причин может быть несколько. Одна из них — известная, политическая. Похвалишь кого-либо из дореволюционных, а он окажется сторонником самодержавия или что-нибудь в этом роде. В те времена принято было если и хвалить, то ругая на всякий случай.

Может быть, здесь примешивается и то, что сам В.М. Алексеев, лидер советского востоковедения, критически относился к П.С. Попову. Это легко проследить, взяв книгу — В.М. Алексеев. «Наука о Востоке», М., 1982 г.:

П.С. Попов не улучшил васильевского «Лунъюя» и «Мэн-цзы» (стр. 65).

«Китайско-русский словарь П. Кафарова и П. Попова» не выдерживал никакой критики по сравнению с большими греческо-русскими словарями того времени (стр. 8).

Магистрантский экзамен я сдавал у П.С. Попова, старого драгомана, призванного играть совершенно неподходящую для него роль профессора, и, в сущности, этот экзамен ни мне, ни экзаменуящим ничего не доказал (стр. 270).

Редактор: Нехорошо делать такие упреки человеку, который не может на них ответить. Тем более своему учителю. Однако, если Вы их приводите, то, по-видимому, уверены в их несостоятельности?

В.П.: Вы тоже упрекали переводчиков, не будучи уверены, что у предполагаемых оппонентов есть возможность или желание отвечать. Научные упреки, наверное, допустимы, если они делаются в стиле, допускающем возражения.

Я считаю, что Попов улучшил перевод Васильева, хотя к обоим отношусь с благоговейным уважением.

Редактор: Даже с «благоговейным»? Стало быть, к В.М. Алексею без оно, поскольку он не «улучшил»?

В.П.: Я ко всем востоковедам отношусь с большим уважением. Я уже об этом говорил. Тем не менее, Алексеев «не улучшил».

Кроме того, Васильев и Попов были, по существу, первыми, а это надо ценить. А вот как сам Попов относился к предшественникам. Я привожу цитату из его введения к книге:

После того, как такие знаменитые синологи, как мой глубокоуважаемый наставник В.П. Васильев и D-r Legge снабдили нас своими переводами Лунъюй'я выступать с новыми переводами и притом человеку, специально не подготавливавшему себя к научной деятельности в той области, не правда ли, кажется смелым шагом? Но моим извинением в том случае служило прежде всего желание дать более удобопонятный перевод этой книги, а во-вторых и

то, что при неопределенности и неясности самого текста каждый новый перевод как проявление субъективных воззрений и соображений, направленных к уяснению истины, без сомнения должен представить известную пользу.

Скромность ученого только у снобов провоцирует снисходительность. В случае с Алексеевым некоторым извинением может служить молодость того, кто писал, и запальчивая уверенность, что он сможет сделать лучше.

Редактор: Ну и сделал. Читаем то, что читаем. Если не глупость, то банальность. Не понимаю, как такие трюизмы можно улучшать или делать хуже. Учиться — очень хорошо. Что же здесь обсуждать две с половиной тысячи лет?

В.П.: Вы имеете в виду самую первую сентенцию? Тем не менее, у Алексева в его переводе она выглядит так:

Он сказал: Учиться, и притом все время в усвоенном упражняться, — разве это не одна из радостей?

Вы не видите различия?

Редактор: Не вижу.

В.П.: И Алексеев, по-видимому, не видел. Поэтому и не заметил достоинств перевода Попова, как, впрочем, и достоинств самого учения Конфуция.

Редактор: Не заметил или не хотел заметить? Не заметил или заметил, что их нет? Не заметил или хотел сделать вид, что заметил, что их нет?

В.П.: Я приведу пару цитат из книги — В.М. Алексеев, «Китайская литература». Избр. труды. М., 1978. Первая из введения, написанного Л.З. Эйдлиным:

Для В.М. Алексеева сам Конфуций — та личность, которая, как замечает ученый в «Китайской литературе» 1920 года, «очевидно, интереснее и значительнее его слов, к тому же скверно и скудно переданных в потомство».

Вторая — самого Алексеева:

Однако присмотримся к этому наследию Конфуция, которое восхваляется как высшее выражение человечества, и мы увидим ряд отрывистых, чрезвычайно сухих, бездушных афоризмов и поучений, основанных на исторических фактах.

Редактор: Пока что я полностью с ним согласен. Кроме того, следует заметить, что времена были известные, а это в прямом смысле относилось к идеологии.

В.П.: Вы хотите сказать, что, записывая это, Алексеев, как это стало модно признавать в разного рода воспоминаниях, делал пальцы буквой «Х», поскольку был вынужден считаться с мнением властей. Не люблю я этого. Если ты так делаешь, то получается, что участвуешь в формировании этого самого «мнения властей». И не думаю, что Алексеев был неискренен.

Редактор: Хорошо не любить лицемерие, когда Вы живете сейчас, а не тогда.

В.П.: Я повторяю, что отношусь с большим уважением ко всем востоковедам. К тому же даже ошибки бывают весьма поучительны.

Редактор: Вот и славненько. Вы нас поучите.

Ладно, оставим это. Что касается упрека в адрес Китайско-русского словаря, то, с Вашего разрешения, не будем его обсуждать. Даже мне понятно, что в стране, где даже вероисповедание называется «греческим» и где сотни лет богослужение велось на греческом языке, греческие словари должны были быть несравнимо совершеннее китайских.

Последний упрек тоже странен: профессора познаются по ученикам, и если у Попова был такой замечательный ученик, как Алексеев, то, стало быть, и профессором он был неплохим.

В.П.: Во всяком случае я хотел бы представить переводы именно Попова. В них есть уважение к источнику.

Попов Павел Степанович, 26 авг. 1842 — 7 дек. 1913.
Среднее образование получил в Курской духовной семинарии.
Окончил Санкт-Петербургский университет по Восточному факультету, кандидат в 1870 г.
Приват-доцент СПб университета с 5 июля 1902 г.
Долгое время служил в Китае, был генеральным консулом (старшим драгоманом) в Пекине. Чл.-корр. Академии наук.

Я должен заметить, что у Попова есть много и других книг и публикаций. Одну из них — словарь, который выдержал два издания и которым, кстати сказать, с признательностью пользовались многие, пока не появились другие, более совершенные, мы уже упомянули. Кроме того, было бы интересно выпустить репринтное издание его книги о Мэн-цзы (СПб, 1904).

Редактор: Честно скажу, я заходил в Публичку, чтобы познакомиться с Поповым, но в каталоге не обнаружил вовсе его имени.

В.П.: Надо искать в генеральном каталоге, там есть почти все. Вы должны заказать нужную Вам книгу и ее принесут. Если же Вы хотите познакомиться со списком всех изданий данного автора, то попросите библиографа. Если сможете убедить его, что это Вам нужно, Вас пустят в генеральный (служебный) каталог.

Редактор: Нет уж, я не мальчик, чтобы кого-то убеждать.

В.П.: Вы зря сердитесь. Раньше было много тяжелее получить нужную книгу. Сейчас эти ограничения связаны с тем, что многие книги можно найти лишь в центральных библиотеках и надо заботиться об их сохранности.

Редактор: То есть стараться, чтобы не читали. В конце двадцатого века нет возможности сделать так, чтобы один русский человек мог без проблем познакомиться с тем, что написал для него другой русский человек. Не с летописями или раритетами, а обычными книгами.

В.П.: Библиотеки вынуждены следить за тем, чтобы не «зачитывали». Тем не менее, работа идет, многие издания микрофильмируются.

Редактор: Микрофильмы — это не конец, а начало двадцатого века.

В.П.: Но ведь Вы делаете что-то в этом направлении, печатаете, хоть и в куцем виде, Попова. Вы ссылаетесь на финансовые трудности, они есть и у библиотек.

Редактор: Я говорю не об этом, а о том, что библиотеки превратились в книгохранилища и теряют одну из своих важных функций.

В.П.: Во-первых, быть книгохранилищем — очень важная функция. Во-вторых, к Публичке я бы не мог предъявить претензии, например, выставки там мне нравятся. Кроме того, там очень удобно работать. В-третьих, «библиотечных» проблем в стране действительно много, например, состояние дел с библиотеками в нестоличных городах, но вряд ли библиотекари в этом виноваты.

Редактор: Никто их и не винит. К библиотекарям и работникам архивов я отношусь с пиететом. Однако мы отвлеклись. Вы хотели представить нам «список трудов» П.С. Попова.

В.П.: «Список трудов» я представлять не собирался, но хотел просто познакомиться с некоторыми книгами, которые сам читал. Однако, чтобы не наскучить читателям альманаха, я буду это делать понемногу в этом и следующих выпусках. И без всякой «возвышенной цели». Просто так, некоторые любопытные эпизоды.

Редактор: Да уж, любопытные! Про «роскошнейшие красные ворота с золотыми гвоздями», откуда доносятся «раздирающие вопли истязуемых душ». Это, наверное, для того, чтобы проиллюстрировать разговоры Конфуция о гуманности.

В.П.: При чем тут Конфуций? В культуре и истории любой страны можно найти два текста, различные как по стилю, так и по содержанию. Тем не менее, обещаю в дальнейшем воздерживаться от «ужастиков».

Редактор: Слава Богу! На этом пока и закончим. Один только, последний вопрос, если позволите. Вы можете не отвечать, если он покажется Вам не вполне корректным.

Всякая теория хороша (или, во всяком случае, жизнеспособна), если она отвечает хотя бы на некоторые из конкретных вопросов, действительно волнующих людей. Я не могу понять, Вы действительно предполагаете, что с помощью учения Конфуция можно объяснить устройство мира? Я имею в виду социальные явления.

В.П.: Думаю, что никакая теория не может претендовать на глобальность, да и вопросы бывают слишком изоциренными. Но, разумеется, на основные вопросы...

Редактор: Например: «Кто виноват?», «Что делать?», «Зачем человек живет?», «Кому в Китае жить хорошо?», «Есть ли жизнь на Марсе?»...

В.П.: Ну, конечно. Было бы странно, если бы оказалось, что учение, имеющее стольких последователей, не дает никакого прояснения в понимании основных вопросов, интересующих людей.

Редактор: Ну и ? Каковы же ответы?

В.П.: Я бы предпочел, чтобы мы разобрались в теории настолько, чтобы Вы и читатель могли бы сами ответить на эти вопросы.

Редактор: Слишком сложные вопросы?

В.П.: Нет, вопросы не слишком сложные, но люди зачастую не хотят принимать ответ, поскольку он их обижает, или они заинтересованы в получении другого ответа, или они привыкли к другой «аксиоматике» и им трудно ее поменять.

Редактор: И все же... Вы меня заинтриговали. Я обещаю не обижаться и постараться «не быть заинтересованным». Хотя бы на один вопрос. Например, первый.

В.П.: «Кто виноват?»

Редактор: Да.

В.П.: Тот, кто спрашивает.

Редактор: ???

В.П.: И это так же верно, как и то, что вслед за ночью приходит день.

Редактор: Классное учение. То есть я виноват в том, что произошло в таком-то году?

В.П.: Вы спросили — я ответил.

Редактор: Всех благ Вам и Вашей «аксиоматике». Хорошо развлекли.

THE SAYINGS OF
CONFUCIUS

Translated by **Leonard A. Lyall**

THIRD EDITION

First Published — September 1909

Second Edition — October 1925

Third Edition — September 1935

LONGMANS, GREEN AND CO.

И з р е ч е н и я К О Н Ф У Ц И Я
у ч е н и к о в е г о и д р у г и х л и ц

п е р е в е л П. С. П о п о в

Санкт-Петербург, 1910

В.О., Средний пр., 1

BOOK I

1. The Master said, To learn and then do, is not that a pleasure? When friends come from afar do we not rejoice? To live unknown and not fret, is not that to be a gentleman?

Философ сказал: Не приятно ли учиться и постоянно совершенствоваться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из дальних стран? Не благородный ли муж, тот, кто не гневается, что он не известен другим?

2. Yu-tzu said, Few men that are good sons and good brothers are fond of withstanding those over them. A man that is not fond of withstanding those over him and is yet fond of broils is nowhere found. A gentleman heeds the roots. When the root has taken, the Way is born. And to be a good son and a good brother, is not that the root of love?

Ю-цзы сказал: Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел бы произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах; коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности.

3. The Master said, Smooth words and fawning looks are seldom found with love.

Философ сказал: В хитрых речах и поддельном (вкрадчивом) выражении лица редко встречается гуманность.

4. Tseng-tzu said, Thrice daily I ask myself: In dealing for others, have I been unfaithful? Have I been untrue to friends? Do I practise what I preach?

Цзэн-цзы сказал: Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-нибудь для других, был ли я предан им, был ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне учителем.

5. The Master said, To guide a land of a thousand chariots, honour business and be true; spend little and love men; time thy calls on the people.

Философ сказал: При управлении княжеством, имеющим 1000 колесниц (уделом), необходимы постоянное внимание к делам и искренность (в отношении к народу), умеренность в расходах и любовь к народу с своевременным употреблением его на работы.

6. The Master said, The young should be dutiful at home, modest abroad, careful and true, overflowing in kindness for all, but in brotherhood with love. And if they have strength to spare they should spend it on the arts.

Философ сказал: Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью (правдивостью), обильной любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если, по исполнению сего, останется свободное время, то посвящать его учению.

7. Tzu-hsia said, If a man eschews beauty and honours worth, if he serves his father and mother with all his strength, if he is ready to give his life to his lord, and keeps faith with his friends, though others may say he has no learning, I must call him learned.

Цзы-ся сказал: Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похотей, служит родителям до истощения сил, государю до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я конечно назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей.

8. The Master said, A gentleman will not be looked up to unless he is staid, nor will his learning be sound. Put faithfulness and truth first; have no friends unlike thyself; be not ashamed to mend thy faults.

Если совершенный муж (цзюнь-цзы) не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружись с людьми, которые хуже тебя; ошибся, не бойся исправиться.

9. Tseng-tzu said, Heed the dead, follow up the past, and the soul of the people will again grow great.

Цзэн-цзы сказал: Если мы будем рачительны в отдавании последнего долга родителям и будем вспоминать (то есть приносить жертвы и проч.) об отошедших, то народная нравственность улучшится.

10. Tzu-ch'in said to Tzu-kung, When he comes to a country the Master always hears how it is governed; does he ask, or is it told him?

Tzu-kung said, The Master gets it by his warmth and honesty, by politeness, modesty and yielding. The way the Master asks is unlike other men's asking.

Цзы-цин спросил у Цзы-гуна: Философ, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения об его управлении. Домогался ли он этого или же ему сообщили их ?

Цзы-гун отвечал: Философ приобрел их благодаря своей любезности, прямоте, почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей ?

11. The Master said, Whilst thy father lives look for this purpose; when he is gone, look how he walked. To change nothing in thy father's ways for three years may be called pious.

Философ сказал: Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным.

12. Yu-tzu said, To behave with ease is the best part of courtesy. This was the beauty of the old kings' ways; this they followed in small and great. But knowing this, it will not do to give way to ease, unchecked by courtesy. This too is wrong.

Ю-цзы сказал: В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых и в больших делах. Но, бывают случаи, что и она не действует. Ибо знать только, что она дорога и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невозможно.

13. Yu-tzu said, If pledges are close to right, word can be kept. If attentions are so close to courtesy, shame will be kept far. If we do not choose our leaders wrong, we may worship them too.

Ю-цзы сказал: Если условие (завет) согласно с справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормою, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в руководители.

14. The Master said, A gentleman that does not seek to eat his fill, nor look for ease in his home, who is earnest at work and careful of speech, who walks with those that keep the Way, and is guided by them, may be said to love learning.

Философ сказал: О том благородном муже, который в пище не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается, для исправления себя, к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться.

15. Tzu-kung said, Poor but no flatterer; rich, but not proud: how would that be?

It would do, said the Master; but better still were poor but merry; rich, but loving courtesy.

Tzu-kung said, When the poem says:

If ye cut, if ye file,

If ye polish and grind,

is that what is meant?

The Master said, Now I can begin to talk of poetry to Tz'u. Tell him what is gone, and he knows what shall come.

Цзы-гун сказал: Что вы скажете о человеке, который в бедности не пресмыкается, в богатстве не заносится? Философ ответил: Годится, но он ниже того, который в бедности весел, а в богатстве благопристоен. Цзы-гун сказал: в Ши-дзин сказано:

как будто отесана и обточена (слоновая кость),

как будто огранена и ошлифована (яшма).

Так вот, что это значит?

Философ сказал: Цы (Цзи-гун), теперь с тобой можно толковать о Ши-цзине, потому что скажешь тебе о прошедшем, а ты знаешь и будущее.

16. The Master said, Not to be known is no sorrow. My sorrow is not knowing men.

Философ сказал: Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей.

BOOK II

1. The Master said, He that rules by mind is like the north star, steady in his seat, whilst the stars all bend to him.

Философ сказал: Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить северной полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а (остальные) звезды с почтением окружают ее.

2. The Master said, The three hundred poems are summed up in the one line, Think no evil.

Философ сказал: Ши-цзин хотя и состоит из 300 песен, но они могут быть обняты одним выражением: «не имей превратных мыслей» (будь искренен).

3. The Master said, Guide the people by law, aline them by punishment; they may shun crime, but they will want shame. Guide them by mind, aline them by courtesy; they will learn shame and grow good.

Философ сказал: Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться.

4. The Master said, At fifteen, I had the will to learn; at thirty, I could stand; at forty, I had no doubts; at fifty, I understood the heavenly Bidding; at sixty, my ears were opened; at seventy, I could do as my heart lusted without trespassing from the square.

Философ сказал: В 15 лет у меня появилась охота к учению; в 30 лет я уже установился, в 40 лет у меня не было сомнений, в 50 лет я знал волю неба, в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины, а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не переходя должной меры.

5. Meng Yi asked the duty of a son.

The Master said, Not to transgress.

As Fan Chi'ih was driving him, the Master said, Meng-sun asked me the duty of a son; I answered not to transgress.

What did ye mean? said Fan Chi'ih.

To serve our father and mother with courtesy whilst they live; to bury them with courtesy when they die, and to worship them with courtesy.

На вопрос Мэн-и-цзы, в чем состоит сыновняя почтительность, Философ ответил: в непротивлении (послушании). Когда Фань-чи вез философа, то он сказал ему: Мэн-сун спросил меня, в чем состоит почтительность? я отвечал ему: в непротивлении. Фан-чи сказал: что это значит? Философ сказал: когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертву.

6. Meng Wu asked the duty of a son.

The Master said, He should not grieve his father and mother by anything but illness.

Мэн-у-бо спросил Конфуция о сыновней почтительности. Философ сказал: Отец и мать беспокоятся только о том – не болен ли их сын.

7. Tzu-yu asked the duty of a son.

The Master said, He that can feed his parents is now called a good son. But both dogs and horses are fed, and unless we honour our parents, what is the difference?

На вопрос Цзы-ю о почтительности Философ сказал: современная почтительность к родителям обозначает быть в состоянии кормить их: но ведь собаки и лошади также получают пропитание. При отсутствии почтительности, чем же будет различаться питание родителей, от питания собак и лошадей?

8. Tzu-hsia asked the duty of a son.

The Master said, Our manner is the hard part. For the young to be a stay in toil and leave the wine and food to their elders, is this to fulfil their duty?

На вопрос Цзы-ся о почтительности Философ сказал: В этом случае трудность заключается в выражении лица (т.е. в том, чтобы постоянно иметь веселый, довольный вид). А что младшие братья и дети будут только брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев вином и кушаньем, то разве это можно считать за сыновнюю почтительность?

9. The Master said, If I talk all day to Hui, like a dullard, he never differs from me. But when he is gone, if I watch him when alone, he can carry out what I taught. No, Hui is no dullard!

Философ сказал: Я разговариваю с Ксу целый день и он не возражает, как будто глуп; но когда, после его ухода, я вникаю в его частную жизнь, нахожу, что он в состоянии уяснить (мое учение). Ксу неглуп.

10. The Master said, See what he does; watch what moves him; search what pleases him: can the man lie hidden? Can the man lie hidden?

Философ сказал: Где может укрыться человек, где может укрыться человек, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуждения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие.

11. The Master said, To keep old knowledge warm and get new makes the teacher.

Философ сказал: Кто повторяет старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других.

12. The Master said, A gentleman is not a vessel.

Философ сказал: Благородный муж не есть орудие, годное только для одного какого-либо употребления.

13. Tzu-kung asked, What is a gentleman?

The Master said, He puts words into deeds first, and follows these up with words.

Цзы-гун спросил: Кто есть благородный муж? Философ сказал: Тот, который сначала действует, а потом говорит. (Тот, у которого дело предшествует слову).

14. The Master said, A gentleman is broad and fair; the small man takes sides and is narrow.

Философ сказал: Благородный муж заботится об общих, а не о партийных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о партийных, а не об общих интересах.

15. The Master said, Learning without thought is naught; thought without learning is dangerous.

Философ сказал: Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно.

16. The Master said, To fight strange doctrines does harm.

Философ сказал: Исключительное занятие чуждыми учениями может только приносить вред.

17. The Master said, Yu, shall I teach thee what is wisdom? To know what we know, and know what we do not know, is wisdom.

Философ сказал: Ю (Цзы-лу) научить ли тебя знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь, чего не знаешь, то и считай, что не знаешь – вот это и будет знание.

18. Tsu-chang learned with an eye to pay.

The Master said, Hear much, leave all that is doubtful alone, speak warily of everything else, and few will be offended. See much, leave all that is dangerous alone, deal warily with everything else, and thou wilt have little to rue. If thy words seldom give offence, and thy deeds leave little to rue, pay will follow.

Цзы-чжан учился с целью добиться жалования. (По этому поводу) Философ сказал: Много слушать и оставлять в стороне сомнительное, а о прочем говорить осторожно, тогда будет мало обвинений, много наблюдать и оставлять в стороне опасное, а в остальном действовать осторожно, тогда будет мало поводов к раскаянию; а если из-за речей будет мало обвинений, а в действиях — мало поводов к раскаянию, то здесь будет и жалование.

19. Duke Ai asked, What should I do to win the people?

Confucius answered, Lift up the straight, put away the crooked; and the people will be won. Lift up the crooked, put away the straight, and the people will not be won.

Ай-гун, спросил: Что нужно делать, чтобы народ был покорен. Философ отвечал: если возвышать прямых людей и устранять бесчестных (кривых), то народ будет покорен: если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен.

20. Chi K'ang {The head of the Chi clan } asked how to make the people lowly, faithful and painstaking.

The Master said, Meet them with dignity, they will be lowly; be a good son and merciful, they will be faithful; lift up the good and teach the unskilled, and they will take pains.

На вопрос Цзы Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру? Философ отвечал: управляй им с достоинством и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных и он устремится к добру.

21. One said to Confucius, Why do ye not govern, Sir?

The Master said, What does the Book {The Book of History } say of a good son? «To be a good son and a friend to thy brothers is to show how to govern.» This, too, is to govern. Must one be in office to govern?

Некто обратясь к Конфуцию сказал: Почему Вы не служите. Философ сказал: Что сказано в Шу-цзине о сыновней почтительности? «Государь Чэн был только почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых (т.е. домашних)» — это также будет служба. Почему же только занятие известного поста считать службой?

22. The Master said, A man without truth, I know not what good he is! A cart without a crosspole, a carriage without a yoke, how can they be moved?

Философ сказал: Я не знаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо? Каким образом может двигаться большая телега без перекладины для постромок или малая телега без ярма.

23. Tzu-chang asked whether we can know what is to be ten generation hence.

The Master said, The Yin took over the manners of the Hsia; the harm and the good that they did them can be known. The Chou took over the manners of the Yin; the harm and the good that they did them can be known. And we may know what shall be, even an hundred generation hence, whoever follows Chou.

Цзы-чжан спросил: можно ли наперед знать, что будет в последующие 10 поколений? Философ сказал: династия Инь руководствовалась Ся'скими правилами и что было в них убавлено, или прибавлено, то можно знать; династия Чжоу пользовалась Инь'скими правилами, прибавки или убавки в которых можно знать. Если бы случилось, что Чжоускую династию сменила бы другая, то даже можно знать за 100 столетий вперед.

24. The Master said, to worship the ghosts of men not akin to us is fawning. To see the right and not do it is want courage.

Философ сказал: Приносить жертвы чужим пенатам – это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его – это трусость.

BOOK III

1. Of the Chi having eight rows of dancers { *An imperial prerogative* } in his courtyard, Confucius said, If this is to be borne, what is not to be borne?

Конфуций отозвался о фамилии Цзы, у которой было 8 рядов танцоров, танцовавших во дворце, что, если у нее на это хватило присутствия духа, то на что у нее не хватит его?

2. When the sacrifice was ended, the Three Clans had the Yung hymn sung. The Master said,

Princes and dukes assist,
Solemn is the Son of heaven;

what meaning has this in the courtyard of the Three Clans?

Три фамилии убрали жертвенные сосуды при звуках песни Юн (привилегия императора). Философ сказал:
(При царских жертвах) сопутствуют князья,
сам император дышет величием.
Какой же смысл употреблять эту песнь в храме 3-х фамилий?

3. The Master said, A man without love, what is courtesy to him? A man without love, what is music to him?

Философ сказал: Если человек негуманен, то что толку в церемониях? если человек негуманен, то что толку в музыке?

4. Lin Fang asked what good form is at root.

The Master said, A big question! At high-tides, thrift is better than waste; at burials, grief is worth more than nicety.

Линь-фан (Лу'ский уроженец) спросил о сущности (основе) церемоний. Философ сказал: Как велик этот вопрос? В соблюдении церемоний лучше быть скромным, чем расточительным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие.

5. The Master said, Every wild tribe has its lord, whereas the lands of Hsia { *China* } have none!

Философ сказал: У восточных и северных варваров есть правители, не так, как в Китае, где их нет.

6. The Chi sacrificed to Mount T'ai. { *A prerogative of the Duke of Lu.* }

The Master said to Jan Yu { *A disciple in the service of the Chi* }, Canst thou not stop this?

He answered, I cannot.

Alas! said the Master; dost thou think Mount T'ai less wise than Lin Fang?

Перед отправлением вельможи Цзи на гору Тай-шань для принесения ей жертвы, философ, обратившись к Жань-ю, сказал: Не можешь ли ты отклонить его? Тот ответил: не могу. Тогда Философ сказал: Увы! ужели дух горы Тай-шань хуже Линь-фана?

7. The Master said, A gentleman never strives with others. Or must he, perhaps, in shooting? But then, as he bows and makes way in going up or steps down to drink { *The loser had to drink a cup of wine* }, his strife is that of a gentleman.

Философ сказал: Благородный муж ни в чем не состязается, и, если уже необходимо, то разве в стрельбе; (но и в этом случае) он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись пьет чару. И в этом состязании он остается благородным мужем.

8. Tzu-hsia asked, What is the meaning of:

Her cunning smiles,
Her dimples light,
Her lovely eyes,
So clear and bright,
All unadorned,
The background white.

Colouring, said the Master, is second to the plain ground.

Then good form is second, said Tzu-hsia.

Shang { *Tzu-hsia* }, said the Master, thou hast hit my meaning! Now I can talk of poetry to thee.

Цзы-ся спросил: Что значит стих Ши-цзина «прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту.» Философ сказал: Понимающий меня это Шан (Цзы-ся), с которым только и можно говорить о Ши-цзине.

9. The Master said, I can speak of the manners of Hsia; but as proof of them Chi { *Chi was the homeland of the House of Hsia, Sung that of the House of Yin* } is not enough. I can speak of the manners if Yin; but as proof of them Sung is not enough. This is due to their dearth of books and great men. If there were enough of these, I could use them as proofs.

Философ сказал: О Ся'ских церемониях (правилах жизни) я мог бы говорить, но дело в том, что удел Ци не дает для этого достаточных данных; мог бы я говорить и об Инь'ских церемониях, но Сун'ский удел не дает для этого достаточных данных, по недостатку записей и творений мудрых людей; если бы их было достаточно, то я мог бы сослаться на них.

10. The Master said, After the drink offering at the Great Sacrifice, I have no wish to see more.

Философ сказал: При великих жертвоприношениях царственному предку и праотцам его, после того, как совершено возлияние (ароматного вина), у меня нет охоты смотреть их.

11. One asked the meaning of the Great Sacrifice.

The Master said, I do not know. He that knew the meaning would overlook all below heaven as I do this – and he pointed to his palm.

Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. Философ ответил: Я не знаю, но кто знал бы его значение, для того управление вселенной было бы также легко как, показать это, и при этом он указал на ладонь.

12. He worshipped as if those whom he worshipped were before him; he worshipped the spirits as if they were before him.

The Master said: For me, to take no part in the sacrifice is the same as not sacrificing.

Приноси жертву предкам так (с таким благоговением), как бы они сами присутствовали здесь. Приноси жертву духам, как бы духи присутствовали при этом (но ведь по понятиям китайцев духи нисходят и следовательно присутствуют при жертвах). Философ сказал: Если я не участвую лично при жертвах, то это, как будто, я не приносил их.

13. Wang-sun Chia { *Wang-sun Chia was minister of Wei, and had more influence than his master. The hearth-god ranks below the god of the home (the Roman «lares»), but since he sees all that goes on in the house, and ascends to heaven at the end of the year to report what has happened, it is well to be on good terms with him.* } said, What is the meaning of, It is better to court the hearth-god than the god of the home?

Not so, said the Master. A sin against Heaven leaves no room for prayer.

Ван-Сунь-Цзя спросил, что значит выражение «лучше угождать духу домашнего очага, чем юго-западного угла комнаты»? Философ сказал: Неправда. Если оскорбишь небо, то некому будет молиться.

14. The Master said, Chou { *The royal house of Chou, which was then ruling China.* } looks back on two lines of kings. How rich, how rich it is in art! I follow Chou.

Философ сказал: Династия Чжоу почерпала для себя образцы из 2-х династий и поэтому как прекрасны ее правила (внешний этикет). Я буду следовать им.

15. On going into the Great Temple the Master asked about everything.

One said, Who says that the Tzou man's son knows the rites? On going into the Great Temple he asked about everything.

When he heard this, the Master said, Such is the rite.

Философ, войдя в храм предков спрашивал о каждой вещи. Тогда некто сказал: Кто говорит, что сын Цзоу'скаго человека (т.е. Шу-лян-хэ – отца Конфуция) знает церемонии? Вступив в храм, расспрашивает о каждой вещи. Услышав это, Конфуций сказал: это то и есть правило вежливости.

16. The Master said, In shooting, the arrow need not go right through the target, for men are not the same in strength. This was the old rule.

Философ сказал: При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, (а чтобы попасть в мишень), потому, что силы не у всех одинаковы. Это древнее правило состязания.

17. Tzu-kung wished to do away with the sheep offering at the new moon. The Master said, Thou lovest the sheep, Tz'u: I love the rite.

Цзы-гун хотел отменить принесение в жертву живого барана, при объявлении в храме предков о наступлении первых чисел каждого месяца. на это Философ заметил: Цы (Цзы-гуну) жаль барана, а мне жаль церемоний.

18. The Master said: Serve the king with all courtesy, men call it fawning.

Философ сказал: Служение Государю с соблюдением всех правил люди признают за лесть.

19. Duke Ting asked how a lord should treat his lieges, and how lieges should serve their lord.

Confucius answered, The lord should treat his lieges with courtesy; lieges should serve their lord faithfully.

Князь Дин-гун спросил: Как Государь должен обходиться с чиновниками и как последние должны служить государю? Философ ответил: Государь должен обходиться с чиновниками вежливо, а чиновники должны служить ему преданно.

20. The Master said, The poem «The Osprey» is glad, but not wanton; it is sad, but not morbid.

Философ сказал: Песнь «Гуан-цзюй» выражает веселье без излишества и печаль, не переходящую в сокрушение.

21. Duke Ai asked Tsai Wo about the earth-altars.

Tsai Wo answered, The Emperors of the house of Hsia grew firs round them; the men of Yin grew cypress; the men of Chou grew chestnut, which was to say, Let the people tremble. { «Tremble» and «chestnut» have the same sound in Chinese. }

On hearing this, the Master said, I do not speak of what is ended, chide what is settled, or find fault with what is past. { In old times men had been sacrificed at the earth-altars, and Tsai Wo's answer might seem to approve the practice. }

Ай-гун спросил Цзай-во относительно жертвенника духу покровителю земли. Цзай-во отвечал: Ся'ские государи обсаживали жертвенники соснами, Инь'ские – кипарисом, а Чжоусцы – каштаном, чтобы заставить народ трепетать. Услышав об этом Философ сказал: Когда дело сделано, нечего говорить о нем, делу дан ход, нечего соваться с увещаниями и за прошлое нечего винить.

22. The Master said, How shallow was Kuan Chung!

But, said one, was not Kuan Chung thrifty?

The Kuan, said the Master, owned San Kuei, and no one of his household held two posts: was that thrift?

At least Kuan Chung knew good form.

The Master said, Kings screen their gates with trees; the Kuan, too, had trees to screen his gate. When two kings are carousing, they have a stand for the turned-down cups; the Kuan had a turned-down cup-stand, too! If the Kuan knew good form, who does not know good form? { *Kuan Chung (+ 645 b.c.), a famous man in his day, was chief minister to the Duke of Ch'i, whom he raised to such wealth and power that he became the leading prince of the empire. His chief merit lay in taming the barbarous frontier tribes. The rest of his work was built upon sand and died with him.* }

Конфуций сказал: Гуан-чжун малоспособный (узкая натура) человек! Некто сказал: не правда ли, Гуан-чжун экономен? На это последовал ответ: у него был бельведер с тремя входами и разные должности не соединялись в одном лице; как же можно назвать его экономным?

В таком случае, он может быть знает церемонии? На это Конфуций ответил: у владетельного князя поставлен пред воротами щит; у владетельного князя есть подставка (буфет) для опрокидывания чарок при дружеском свидании 2-х государей, г. Гуан устроил себе такую-же подставку. Если он знает церемонии, то кто же их не знает?

23. The Master said to the Great Master { *Of music* } of Lu, We can learn how to play music; at first each part in unison; then a swell of harmony, each part distinct, rolling to the finish.

Философ, объясняя музыку главному Лу'скому капельмейстеру, сказал: музыку, ее можно знать: сначала настраивают инструменты, затем звуки должны быть гармоничны, отчетливы и литься непрерывно до окончания пьесы.

24. The warden of Yi asked to see Confucius, saying, No gentleman has ever come here whom I have failed to see.

The followers took him in.

On leaving he said, My two-three boys, why lament your fall? The Way has long been lost below heaven! Now Heaven shall make the Master into a warning bell.

Пограничный чиновник города И просил дозволения представиться Конфуцию, говоря, что всякий раз, как благородный муж жаловал сюда, я никогда не лишался возможности видеть его. Ученики Конфуция ввели чиновника.

По удалении его Конфуций сказал: дети мои, чего вы беспокоитесь, что я потерял место? Империя давно уже находится в беспорядке и небо хочет, чтобы ваш учитель был колоколом с деревянным языком (предвозвестником истины).

25. The Master said of the music of Shao, It is thoroughly beautiful, and thoroughly good, too. Of the music of Wu, he said, It is thoroughly beautiful, but not thoroughly good.

Философ отозвался о музыке Шао (Шуня), что она вполне прекрасна и вполне нравственна, а о музыке У-вана, что она вполне прекрасна, но не вполне нравственна.

26. The Master said, Rank without beauty; ceremony without reverence; mourning without grief, why should I cast them a glance?

Философ сказал: Когда правитель не великодушен, в исполнении церемоний невнимателен и во время траура не выражает скорби, то где же у меня критерий для суждения (о его деятельности)?

BOOK IV

1. The Master said, Love makes a spot beautiful: who chooses not to dwell in love, has he got wisdom ?

Философ сказал: Прекрасна та деревня, где господствует любовь. Если, при выборе места, мы не будем селиться там, где царит любовь, то откуда мы можем набраться ума?

2. The Master said, Loveless men cannot bear need long, they cannot bear fortune long. Loving men find peace in love, the wise find profit in it.

Философ сказал: Человек, не имеющий любви, не может долго выносить бедность и не может постоянно пребывать в радости. Человеколюбивый находит спокойствие в любви, а мудрый находит в ней выгоду.

3. The Master said, Love alone can love others, or hate others.

Философ сказал: Только гуманист может и любить людей и ненавидеть их.

4. The Master said, A will set on love is free from evil.

Философ сказал: Если у кого есть истинное стремление к гуманности, то тот не сделает зла.

5. The Master said, wealth and honours are what men desire; but do not go from the Way, to keep them. Lowliness and want are hated by men; but do not go from the Way, to escape them.

Shorn of love, is a gentleman worthy of the name? Not for one moment may a gentleman sin against love; he must not do so in flurry and haste, nor do so in utter overthrow.

Конфуций сказал: Богатство и знатность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не пользуется, если они достались незаконным путем. Бедность и низкое состояние служат для человека предметом отвращения, но благородный муж не гнушается ими (не отвергает их), если они незаслужены. Как может благородный муж пользоваться этим именем без гуманности? Благородный муж ни на час не расстается с гуманностью; в суматохе и в разорении она непременно с ним.

6. The Master said, I have seen no one that loves love and hates uncharity. He that loves love will set nothing higher. The hater of uncharity is so given to love that no uncharity can enter into his life. If a man were to give his strength to love for one day, I have seen no one whose strength would fail him. There may be such men, but I have not seen one.

Философ сказал: Я не видел человека, любящего гуманность (virtue), который бы ненавидел негуманность; потому что тот, кто любит гуманность, ставит ее выше всего; тот, кто ненавидит негуманность, по этому и будет поступать гуманно и не допускать ничему негуманному прикасаться к нему. Но я не видел, чтобы у человека не достало сил быть гуманным, если бы он раз смог приложить к нему старание. Может быть и есть, но я не видел такого.

7. The Master said, A man and his faults are of a piece. By watching his faults we learn whether love be his.

Философ сказал: Погрешности людей соответствуют их категориям и, наблюдая погрешности человека, можно знать гуманен он или нет.

8. The Master said, To learn the Way at daybreak and die at eve were enough.

Философ сказал: Если человек поутру узнает истинный закон вещей, то вечером он может умереть без сожаления.

9. The Master said, A knight { «*Shih*» a gentleman entitled to bear arms, not a knight in armour. } in quest of the Way, who is ashamed of bad clothes and bad food, it is idle talking to.

Философ сказал: С ученым, который, стремясь к истине, в то же время стыдится плохого платья и дурной пищи, не стоит рассуждать.

10. The Master said, A gentleman has no likes or dislikes below heaven. He follows right.

Философ сказал: Благородный человек в мире (в делах мира) ничего не предпринимает, а действует сообразуясь с справедливостью.

11. The Master said, The gentleman cherishes mind, the small man cherishes dirt. Gentlemen trust in the law, the small man trusts in favour.

Философ сказал: Благородный муж думает о добродетели, а низкий о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий жаждет корысти.

12. The Master said, The chase of gain is rich in hate.

Философ сказал: Кто поступает корыстно, тот вызывает против себя много ропота.

13. The Master said, What is it to sway a kingdom by courteous yielding? If we cannot sway a kingdom by courteous yielding, what is our courtesy worth?

Философ сказал: Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемой церемониями, то какие затруднения он встретит в этом?

14. The Master said, Care not for want of place; care for thy readiness to fill one. Care not for being unknown, but seek to be worthy of note.

Философ сказал: Не беспокойся о том, что у тебя нет должности, а беспокойся каким образом устоять на ней; не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы тебя могли знать.

15. The Master said, One line, Shen, { *The disciple Tseng-tzu* } runs through my Way.

Yes, said Tseng-tzu.

After the Master had left, the disciples asked what was meant.

Tseng-tzu said, The Master's Way is no more than faithfulness and fellow-feeling.

Философ сказал: Шэнь (Цзэн-цзы)! Мое учение проникнуто одним началом? Да, отвечал Цзэн-цзы не задумываясь. Когда философ вышел, то ученики спросили его: что это значит?

Цзэн-цзы отвечал: (это значит), что учение нашего учителя заключается в искренности и снисходительности.

16. The Master said, The gentleman is learned in right; the small man is learned in gain.

Философ сказал: Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду.

17. The Master said, At sight if worth, think to grow like it; at sight of baseness, search thyself within.

Философ сказал: При виде достойного человека, думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного, исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков).

18. The Master said, A father or a mother may be gently chidden. If thou seest they have no will to follow thee, be the more lowly, but do not give way; nor murmur at the trouble they give thee.

Философ сказал: Служа родителям, следует осторожно увещевать их, если замечаешь, что они не слушают, увеличь почтительность, но не оставляй увещаний; будут удручать тебя, не ропщи.

19. The Master said, Whilst thy father and mother are living, do not wander afar. If thou must travel, hold a set course.

Философ сказал: Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлучишься, то чтобы место пребывания непременно было известно.

20. The Master said, He that changes nothing in his father's ways for three years may be called pious.

Философ сказал: Кто в течение 3-х лет не изменит отцовских порядков, того можно назвать почтительным сыном.

21. The Master said, A father and mother's years must be borne in mind; with gladness on the one hand and fear on the other.

Философ сказал: Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы с одной стороны радоваться, а с другой опасаться.

22. The Master said, The men of old were loth to speak, for not to live up to their words would have shamed them.

Философ сказал: В древности не давали легкомысленно слова (из опасения легкомысленно посрамиться неисполнением его).

23. The Master said, We shall seldom get lost if we hold to main lines.

Философ сказал: Редко подвергаются ошибкам те, которые ведут себя сдержанно.

24. The Master said, A gentleman wishes to be slow in speak and quick to do.

Философ сказал: Благородный муж желает быть медленным на слова и быстрым на дела.

25. The Master said, A great soul is never friend-less: he has always neighbours.

Философ сказал: Добродетель не бывает одинокою, у нее непременно есть последователи (соседи).

26. Tzu-yu said, Nagging at kings brings disgrace, nagging at friends estrangement.

Цзы-ю сказал: Служа государю, если будешь надоедать ему своими увещаниями, то навлечешь срам, а будешь надоедать ими другу, то он охладет к тебе.

Китайский Пантеон

Перевод и комментарии П.С.Попова, СПб, 1907

Адские судьи 10 зал (стр. 21-25)

Эти 10 зал находятся в уезде Фын-ду, Чжун-чжоуской области провинции Сы-чуан. Здесь есть старинное здание в 10 ярусов. Самый верхний из них, находящийся под утесом, замкнут весьма крепко и никто не смел открыть его. По ночам в нем слышатся раздирающие вопли истязуемых душ умерших.

В царствование Минского Ван-Ли (1573-1620) местный губернатор открыл эту залу; когда он вступил в нее, то в ней царил мрак; осветив ее факелами, увидели пещеру неизмеримой глубины, из которой несло холодным ветром. Тогда губернатор приказал сделать деревянный таз, сам сел в него и по веревке спустился. На глубине 10-20 сажений таз остановился на ровной земле. Губернатор вышел из него и, прокружив более полверсты, увидел свет. Здесь ему представился совершенно особый мир: носящиеся голубые облака, густые тенистые деревья, посреди которых возвышались обширнейшие и роскошнейшие красные ворота с золотыми гвоздями. Войдя в первую залу, он увидел в ней владыку Гуань-шэн (героя троецарствия) и поклонился ему; затем его препроводили во вторую залу; в каждой зале был князь, который встречал губернатора.

В пятой зале князь посадил его и угостил чаем. Пользуясь этим, губернатор спросил князя о делах в подземном царстве (обители айда). Князь отвечал: Когда человек умирает, остается душа; души бывают большие и малые; большие наполняют вселенную, а малые рассеяны по селам и деревьям; правители айда чинят суд и наказывают души.

Спустя немного отдан был приказ проводить губернатора до входа в пещеру, откуда он по веревке поднялся наверх. О вышеизложенном рассказал Уездный Начальник и поставил в Куй-чжоу (в Сы-Чуани) памятник для записи на нем этого происшествия.

Каждая из этих 10 зал загробного судилища имеет своего правителя. Так в первой зале заседает Цинь Гуан'ский князь Цзян, день рождения которого первого числа второй луны.

Он специально ведает продолжительностью жизни людей, их рождением и смертью, а также счастливыми и злополучными делами всей преисподней. Добрых людей, скончавших свою жизнь, он встречает и повышает (в бессмертные духи); людей, у которых заслуги и прегрешения равномерны, он препровождает в десятую залу, откуда их выпускают снова в мир, где мужчины перерождаются в женщин, а женщины в мужчин; людей же, у которых злых деяний более, чем добрых, он отправляет под конвоем в высокую башню, по правую сторону судилища, называемую «башнею зеркала грехов», где заставляют их взглянуть в это зеркало, в котором отражаются качества их душ в

земном мире, и откуда затем они немедленно препровождаются во вторую залу и оттуда уже отправляются в ад на мучение.

Во второй зале заседает Чу-цзяньский князь Ли, день рождения которого третьей луны первого числа. Он заведует большим холодным адом, с 16 особыми малыми адскими отделениями. В этот ад ввергаются люди, нанесшие раны другим, блудодеи, воры и убийцы, распределяемые для мучения в соответствующие малые адские отделения. Отсюда, по истечении срока, они переводятся в третью залу для наказания и заключения.

В третьей зале заседает Сунский князь Юй, день рождения которого второй луны 8 числа. Он управляет великим адом черной веревки (хэй-шэн) с 16 малыми адскими отделениями. В этот ад ввергаются и терпят мучения в разных отделениях его виновные в непочтительности к родителям и старшим и подстрекатели к сутяжничеству. По истечении срока они переводятся отсюда в четвертую залу, подвергаются здесь наказанию и заключаются в ад.

В четвертой зале заседает князь У-гуан по имени Люй, день рождения которого второй луны 18 числа. Он ведает большим адом кровавого озера и сдирания кожи с 16 малыми отделениями. В этот ад ввергаются и терпят мучения в разных отделениях его противящиеся взиманию податей и аренды и мошенники в торговых сделках. По истечении срока они переводятся в пятую залу на усмотрение.

В пятой зале заседает сын адского судьи Янь-ло-вана по имени Бао, день рождения которого первой луны 8 числа. Прежде он заседал в первой зале, но потом был понижен переводом в эту залу за то, что, сострадая невинно казненным (умершим), неоднократно отпускал их в мир для оправдания себя. Он заведует великим адом крика (Цзяо-хуань-да ди-юй) с 16 малыми отделениями, в которых вырезают сердце. Всякого, препровожденного в эту залу, отправляют под конвоем на «башню видения родины» (Ван-сян тай), с которой показывают ему его семью, находящуюся в мире живых, и вслед за сим ввергают его за содеянные преступления в этот ад и, по тщательном рассмотрении вины, определяют в одно из 16 отделений, где вырывают у него сердце и бросают его на съедение змеям, а по исполнении срока наказания отправляют в другую залу.

В шестой зале заседает князь города Бянь по имени Би (Бян-чэн ван Би), день рождения которого третьей луны 8 числа. Он ведает великим адом великого вопля, а также городом невинно умерших (Ван сы чэн) с 16 отделениями. Сюда поступает всякий ропчущий против неба и обвиняющий землю, а также мочащийся и плачущий, обратившись к Северу [Состав греха заключается будто бы в том, что этими действиями наносится оскорбление северной медведице.]. Вступив в соответствующее его вине малое отделение ада, грешник, по окончании срока мучений, переводится в седьмую залу, где наводятся справки, нет ли за ним каких-либо других злых деяний.

В седьмой зале восседает князь горы Тай-Шан Дун (Тай-шан ван Дун), день рождения которого празднуется третьей луны 27 числа. Он ведает адом крошечным, иначе называемым Туй-мо жоу-цзянь ди-юй, то есть адом, в котором толкут и мелют мясо, превращая его в массу, а также 16 малыми отде-

лениями. В этот ад ввергают людей, которые берут мозг (человеческий) для составления лекарства и поселяют раздор между ближайшими родными. По исполнении срока мучений, они переводятся в восьмую залу, где, в ожидании расследования и решения, подвергаются заключению.

В восьмой зале заседает князь Ду-ши-ван Хуан, день рождения которого 1 луны 4 числа. Он управляет великим адом крайних страданий от жара с 16 отделениями. В этот ад ввергают всех непочтительных, причинявших родителям и свекру и свекрови скорбь и огорчение, которые затем передаются в отделения для наказания.

Испытав здесь все муки, они препровождаются в десятую залу, где, изменив свой образ, вечно остаются животными.

В девятой зале восседает князь Пин-дэн по имени Лу, день рождения которого четвертой луны 8 числа. Он управляет адом Те-ван А-би в городе Фын-ду (где, как мы видели, находятся 10 зал) с 16 отделениями. В эту залу вступают все, во время земной жизни виновные в убийстве и поджоге и казненные за это, которые здесь подвергаются сначала пытке, заключающейся в том, что они руками и ногами обнимают медный, пустой, раскаленный столб а сердце и печень их превращаются в пепел, и затем ввергаются в ад Аби, в котором терпят мучения до тех пор, пока все загубленные ими люди переродятся и тогда только их вынимают из этого ада и препровождают в десятую залу для перерождений.

В десятой зале восседает князь Се, вращающий колесо веры Чжуань-лунь-ван (Чакраварти), день рождения которого четвертой луны 17 числа. Он специально заведует определением, по количеству добра и зла, степеней всех душ, препровождаемых к нему из десяти зал и отправлением их для перерождений в 4 страны света. Он же составляет поименную, подробную запись продолжительности жизни, богатства и знатности или же бедности и низкого состояния мужчин и женщин и представляет ее ежемесячно в первую залу для регистрации. Душам людей, совершивших какие-либо ужасные преступления, он повелевает превращаться в яйцеродных, сегодня рождающихся, а завтра умирающих, которые, по отбытии наказания, снова перерождаются в людей, но только в варварских странах. Все души, отправляемые в перерождение, предварительно препровождаются к духу ветра (Мэн-по-шэн), к башне забвения, где их напаивают одуряющим питьем для того, чтобы они забыли дела прежнего рождения.

В числе подземных судей (Ян-ванов) встречаются такие лица, как Суйский министр Хань-цинъ конца 5 в. нашей эры и известный государственный деятель конца 10 и начала 11 в. при Сунских императорах Тай-цзуне и Чжэнь-цзуне Коу-чжунь.

Верховный владыка преисподней Ди-цзан-ван

Верховным владыкою преисподней является Ди-цзан-ван, который по одним был буддийским монахом из Син-ло, в южной Корее, а по другим из Индии. Собственно имя его было Борбу (Бо-ло-бу), а монашеское Му-лянь. Он первый установил праздник предложения яств голодным духам, совершаемый в Китае 7 луны 15 числа под названием Юй-лан-пэнь для того, чтобы спасти свою мать в обителях айда от мучений, испытываемых голодными духами. В годы правления Чжи-дэ (756-760 г.) Танского императора Су-цзуна он морем прибыл к горам Хуа-шань в уезде Цин-ян. Здесь среди утесов он питался рисовой кашею, смешанною с мелом, удивляя этим людей. Будучи 99 лет, он вдруг призвал своих учеников, простился с ними, сел, поджав ноги, в ящик и умер, сделавшись Ди-цзан-ваном, владыкою учения преисподней, к которому приходят на поклон все 10 князей преисподней. День рождения его 30 числа 7 луны. По истечении трех лет, когда открыли ящик, то увидели, что Му-линь был словно живой, кости и суставы его все двигались.

У В А Р О В

и другие

Рассматривая с вершины настоящего погребальное шествие народов к великому кладбищу истории, нельзя не увидеть на вождях этого шествия двух особенно резких типов, которые встречаются преимущественно на распутьях народной жизни в так называемые переходные эпохи.

Одни отмечены печатью гордой и самонадеянной силы. Эти люди идут смело вперед, не спотыкаясь на развалинах прошедшего. Природа одаряет их особенно чутким слухом и зорким глазом, но нередко отказывает им в любви и поэзии. Сердце их не отзываясь на грустные звуки былого. Зато за ними право победы, право исторического успеха.

Большое право на личное сочувствие историка имеют другие деятели, в лице которых воплощается вся красота и все достоинство отходящего времени. Они его лучшие представители и доблестные защитники...

Но ни тем, ни другим, ни поборникам старых, ни водворителям новых начал, не дано совершить их подвига во всей его чистоте и задуманной определенности. Из их совокупной деятельности Провидение слагает нежданный и неведомый им вывод.

Т. Н. Грановский

Разговор о переходных эпохах и консерваторах

Редактор: Как я понял, Вы собираетесь представить нам под общим названием «Уваров и другие» цикл выборочных цитат и документов и замечаний, относящихся к еще одной сомнительной фигуре прошлого — министру С.С. Уварову. Всем известна его роль в судьбе А.С. Пушкина. Пушкинское «На выздоровление Лукулла» — хрестоматийный образец сатиры.

Сейчас историки признают, что на Уварова «повешено слишком много собак», но, тем не менее, для многих эта персона ассоциируется скорее с понятием реакционер, чем консерватор.

А.В.: Эти «многие» не видят различия между словами «реакционер» и «консерватор». И вполне обоснованно. Оба эти понятия плохо определены.

Редактор: ОК. Мы договорились разобраться с одним понятием, точнее с тем, что такое Русский консерватизм. При этом Виктор Петрович вообще начал с Конфуция. Вы хоть с русского государственного деятеля. Однако я плохо представляю себе, что можно сказать об Уварове в этом плане, кроме известной триады. Я ничего не имею против, но ни одной свежей мысли на эту тему я не слышал.

А.В.: Я понимаю так: нет консерватизма русского, китайского или английского, а есть русская, китайская или английская интерпретации. Чтобы их понять, нужно разобраться в разных вариантах и попытаться их сравнить. Что касается триады, то не Уваров ее придумал, и использовал всего пару раз, в отличие, например, от Ф.Ф. Вигеля, который упоминал ее многократно.

Сейчас появляются спокойные, обстоятельные статьи об Уварове и его деятельности. Немного, но все же есть. Мне не хочется называть авторов, чтобы не оказать им медвежью услугу, но я читаю чаще такого рода тексты, и поэтому у меня нет того априорного ощущения, которое есть у Вас.

Однако мне кажется, что, во-первых, не стоит забегать вперед с оценками. Я бы предложил здесь использование его правила, которое, если уж вы коллекционируете принципы консерватизма, в данной ситуации представляется вполне полезным:

5°. Надобно рыться и уж потом строитья.

Во-вторых, я предлагаю вообще сменить точку зрения. Выражение «точка зрения» воспринимается вполне однозначно, хотя имеет и другой смысловой оттенок: это не только «точка», с которой смотришь, но и та точка, на которую смотришь.

Сейчас вновь стали популярными так называемые «загадочные картинки» — плакатики, в которых среди обилия линий, силуэтов и цветовых оттенков надо увидеть, например, лошадь. Чтобы эффект «сработал», надо смотреть не на то место, где ожидаешь увидеть эту лошадь, а немного в сторону, чтобы сработало «боковое зрение», которое имеет свои особенности.

Так и здесь я рекомендую сменить точку зрения и выбрать другую тему. Одна из таких «интригующих» тем – так называемые «переходные эпохи в истории человечества.»

Редактор: Что и говорить, мы бы приблизились к пониманию консерватизма, если бы смогли раскрыть эту тему. Но боюсь, что вряд ли мы сможем сделать то, что не успел Тимофей Николаевич Грановский. Я помню сильное впечатление, которое оставили полторы страницы черновой наброска его лекции на эту тему, но это ведь было лишь эмоциональное введение.

А.В.: Тем не менее, почему бы и не поговорить об этом «без обязательств»? Люди сейчас обсуждают черт знает что. Издаются тысячи книг о том, как какие-то ненормальные бегают друг за другом по улице с пистолетом и пугают прохожих. Почему бы не поговорить еще раз, например, о Наполеоне и его времени.

Редактор: Думаю, что все таки общий тираж книг о Наполеоне сравним с общим тиражом детективных романов.

А.В.: Вряд ли превышает, но, впрочем, сравнивать действительно можно. Однако что здесь удивительного? Нравится нам Наполеон или нет, с симпатией мы относимся к Французской революции или нет, но мир в XIX веке стал совсем иным. И если мы признаем, что «без воли Божьей и воробью не пропасть», то, следовательно, эти изменения были «предписаны».

Впрочем, так же как и в начале каждого века из нескольких последних. Россия до Бориса Годунова совершенно другая страна, нежели при первых Романовых, до Петра и после и т.д.

Хотим мы или нет, но мир в XXI веке должен быть другим, и переход к этому другому миру не может не быть болезненным. Хорошо было бы понять хоть какие-то закономерности этих переходов и подстелить соломки.

Редактор: Очень благородная задача. Конечно, человечество должно немедленно скинуться на исследования в этом направлении.

Однако в той подборке цитат, которую Вы предлагаете, Ваше отношение к Наполеону просматривается слишком однозначно, чтобы говорить о каком-либо беспристрастном рассмотрении именно этой переходной эпохи.

А.В.: Во-первых, идея насчет соломки не моя, и я, также как и Вы, не питаю никаких иллюзий относительно возможности ее использования, хотя «человечество» давно уже «скидывается».

Во-вторых, мое убеждение состоит в том, что не Наполеон определял переходную эпоху, а эпоха вывела Наполеона. Он — щепка, поднятая волной. Называть его военным гением можно лишь весьма условно.

После Тулона капитан Бонапарте стал бригадным генералом, а после расстрела демонстрации на улицах Парижа в октябре 1795 года он стал главнокомандующим. В обоих случаях его «заслуга» состояла лишь в том, что никто другой из французов не решался стрелять из пушек по своим же французам.

Редактор: В первом случае на рейде стояла английская эскадра, которую необходимо было отогнать. Во втором – Наполеону противостояли не демон-

странты, а 20 тысяч вооруженных людей. Кроме того, были и другие сражения – при Арколе, Маренго...

А.В.: Можно, конечно, спорить, но фактом является то, что при большом количестве мнений и анекдотов мы мало знаем о Наполеоне более или менее глубоко. На русском языке нет ни карт, ни диспозиций сторон, а описание состояния войск делается с явными эмоциональными натяжками тех, кто хотел бы привлечь читателя на свою сторону. Свидетельства современников также обычно «подбираются». Хотелось бы почитать работы тех историков, которые стараются уйти от дилеммы «нравится — не нравится». Это тот случай, когда «надобно рыться и уж потом строить».

Редактор: То есть «ослы и ученые — на середину»!

А.В.: То есть да.

Г-жа де Сталь «Революция»: («Вестник Европы», 1900, N 10)

Бонапарт не только человек, но система, и если бы он был прав, род человеческий не был бы тем, чем создал его Бог. Следовательно, нужно изучать его, как великую задачу, решение которой будет достойно мысли во все века.

Он презирал нацию, признания которой добивался; и ни искорки энтузиазма не применялось к его потребности изумлять человеческий род.

Редактор: Судя по тому, что и как Вы нам представляете, Вы человек ученый, однако Ваше отношение к Наполеону просматривается слишком хорошо.

А.В.: Во-первых, я представляю Уварова, а не Наполеона. Во-вторых, я не профессионал, а любитель, или, если угодно, обычный человек, «обыватель».

Редактор: То есть, обывателю можно, а профессионалу нельзя.

А.В.: В каждом человеке две «ипостаси». Мы все простые люди и не можем избежать того, чтобы не руководствоваться, хотя бы и незаметно для себя, некоторой сложившейся внутри нас оценкой. В идеале мы хотели бы поступать в соответствии с правилом Конфуция «A gentlmen has no likes or dislikes below heaven.» Однако в жизни так не получается.

Редактор: А от других Вы требуете.

А.В.: Я ничего не требую, а прошу. Всего лишь карты и подлинные документы. От людей, которые получают деньги за свою работу. Это и означает, что они профессионалы.

Редактор: Я считаю, что каждый должен заниматься своим делом. Я даже был бы готов предложить это правило в качестве еще одного принципа, если

бы оно не было столь очевидным. Если кухарка будет управлять государством, а обыватели решать исторические вопросы, то ничего хорошего не жди.

А.В.: А если миром будет управлять Тот, кто был плотником?

Редактор: Не будем использовать такие примеры всуе.

А.В.: Не будем. Тем не менее я против включения Вашего правила в список принципов. Слишком опасная очевидность. Не вызывает ли у Вас некоторого раздражения постоянно употребляемое обезличенное долженствование в советах, которые даются людьми для того, чтобы исправить или скорректировать ту или иную социальную ситуацию: «Надо, чтобы хорошие люди объединились!», «Надо решать такие вопросы за столом переговоров!», «Надо любить друг друга!»

И потом, каждый должен заниматься делом, которое поручил кто? Что такое «дело»?

Ребенок катается на санках. Молодой человек пишет стишки. Вы с Виктором Петровичем рассуждаете о Конфуции. Это дела? Вам кто-нибудь поручал их?

Редактор: Конечно, дела. Причем одинаковой важности.

А.В.: Это слишком общо. Тогда вся жизнь — дело и нечего тут говорить.

Редактор: Я имел в виду совершенно понятные вещи — в частности, управление государством. И предыдущая система, и тем более нынешняя система выборов приводит к власти часто людей вздорных, дурных, к тому же некомпетентных. Вы сами любитель приводить тому примеры и рассказывать, что внуки Екатерины Великой были прекрасно обучены этому искусству.

А.В.: Но и Вы приводили пример лесковского Пимена Иванова. И Вам не кажется, что Луке Кирилову с товарищами следовало бы немного позаниматься «не своим делом», то есть поуправлять делами до того, как произошло несчастье?

Редактор: То есть народ должен участвовать в управлении? Некая форма демократии. Вы же не любили это слово.

А.В.: Я и сейчас его не люблю. Это слово-шибалет. В нем нет первичного смысла. Оно не объединяет людей, а оформляет одну группу, которая враждует с другой. При этом два вполне порядочных человека, применяя это слово, зачастую имеют в виду совершенно противоположные интерпретации.

Редактор: А слово «консерватор» Вам не кажется таким же?

А.В.: Но ведь мы и занимаемся тем, что его определяем. И, заметьте, до того, как его применять.

Что касается исторических вопросов, то их приходится решать независимо от нашего желания. Или для этого нужна справочка? Или один русский человек будет снова приходить в библиотеку, чтобы почитать, как Вы выразились, «то, что написал для него другой русский человек», а его будут спрашивать: «А где разрешение?», «А почему Вы занимаетесь не своим делом?»

Редактор: Не стоит меня изображать в таком виде. Вы прекрасно поняли, что я не это имел в виду. Если Вам не понравился принцип, то, в силу нашей договоренности, Вы можете произнести свое табу, и не надо так уж расстраиваться. Объясните мне только, собираетесь ли Вы использовать право вето и в отношении, например, принципа Масона, который Вы сами же и предложили? Что значит — способность плоха? Кто может определить, плоха у меня способность или нет?

А.В.: Тем не менее, Вы вполне уместно использовали этот принцип, хотя, я надеюсь, и полушутя. В нем все отчетливо указано. Кто определит, перегружен у человека желудок или нет, кроме него самого? Также и со способностью. Человек, если он внимателен к себе, сам решит, стоит ли ему вступать в разговор, или нужно сначала развить свои способности, то есть поучиться.

Редактор: У меня есть возражения, однако мы можем перевести наш разговор в бесконечный спор, который вряд ли породит истину. Я предлагаю закончить его другой сентенцией из представляемой Вами работы Уварова, которую, мне кажется, Вы согласитесь принять в качестве принципа:

6°. Утомительно злоупотребление слов и частое обращение на одной и той же мысли.

Эта работа мне стала симпатична уже хотя бы тем, что мы из нее позаимствовали два принципа. Но, как я понимаю, это была первая отчетливая программа развития востоковедения, и в этом отношении я готов отдать должное — быть первым всегда трудно. Тем более — столь отчетливая программа. Те, кто сталкивался с подобными проблемами, знают этому цену.

А.В.: Я очень высоко оцениваю ту роль, которую сыграл Уваров в организации того, что называется востоковедением, и считаю, что он был не первой скрипкой, а дирижером, но, конечно, надо понимать, что это не проще постройки железной дороги. Соответственно, ни про одного человека, как бы мы ни хотели его похвалить, нельзя сказать: это начальник в том смысле, что от него идет начало. (Хотя, честно говоря, иногда мне кажется, что в данном случае это так).

То, что Россия — евразийская страна, замечали многие, и многие очень много об этом говорили (и говорят сейчас). Но не может не вызывать как минимум уважения столь последовательная, целенаправленная и, главное, результативная организационная деятельность Уварова.

Однако программы, которые представлены в работе Уварова, по существу, были им взяты из достаточно известных и авторитетных источников и уже с успехом использовались в ряде европейских университетов, прежде всего в Германии (Пруссии) и Франции.

Редактор: То есть он «заимствовал»?

А.В.: Причем тут это, да еще и в кавычках? Взял, использовал, как хотите. Указав, что таблицы составлены Клапротом. Ничего плохого я в этом не вижу, кроме хорошего.

Если в наших разговорах найдется что-либо полезное и, например, китайцы «заимствуют», то и слава Богу. «Все испытывайте, хорошего держитесь,» — сказал Апостол Павел.

Работа Уварова написана в то 1810 году, когда он был секретарем посольства в Париже. И если он из Франции привез не бесконечный, тоскливый разговор о том как все там и как все здесь, а полезные и реализуемые проекты — то и спасибо.

Редактор: Мне кажется, что в тезисе Павла речь шла немного о другом. Вряд ли стоит вкладывать «бытовой» смысл в эту фразу.

А.В.: Пожалуй, это не совсем то. Хорошо, тогда я приведу цитату из «Сына Отечества», 1813 года:

Петр Великий не хотел, чтобы сыны его были слепыми подражателями. Излагая пред ними нравственные сокровища всего света, он изрек многозначащие слова:

«Труды и познания жителей всего света обращены мною в вашу пользу. Изощрите оными ум свой, исследуйте все хорошее и изберите лучшее. Последуйте примеру только тех народов, которые почерпнули из собственных источников величие и изящность. Сами проложите себе путь к истинному просвещению и научитесь существовать сами собою!»

Редактор: Красиво, но не очень понятно. А до Петра — «не сами собою» существовали?

А.В.: Ну хорошо. Поговорим об этом после, а пока просто скажу, что при Уварове много молодых людей посылались в командировки за границу или на «стажировки» и практически все они возвращались. Много специалистов приглашалось из-за границы. К сожалению, у нас сейчас в университетах практически нет иностранных профессоров. Это плохо.

Редактор: Это, конечно, ужасно. Но, вернувшись к Уварову,...

А.В.: Вернувшись к Уварову, мы имеем, что 12 января 1818 года состоялся Высочайший указ о назначении С.С. Уварова Президентом Императорской Академии наук, 28 января было первое заседание, на котором единодушно почетным Членом Академии был избран Н.М. Карамзин, а уже на втором заседании такое же внимание было проявлено Александру Гумбольту, «гению многообъятному и глубоко во все проникающему», а также двум французским ориенталистам: Сильвестру де Саси и М. Ланглесу, «которых изумительные разыскания так сильно привлекли к себе внимание графа С.С. Уварова.» (П.А. Плетнев).

Чуть более чем через месяц, 22 марта 1818 года, последовало открытие Восточных кафедр в Главном Педагогическом институте в Петербурге, на которые были приглашены Ф.Ф. Шармуа и М.И. Броссе, ставшие впоследствии действительными Членами Академии. То есть, по существу, восточный факультет С.-Петербургского университета — это «детище» Уварова.

Из речи Уварова на открытии:

Вообще языки суть памятники времен, предшествовавших истории. Узнать язык народа значит узнать весь ход его образования. В недрах сих дивных составов лежит, так сказать, печать, отличающая один народ от другого. Чем совершеннее язык, тем народ ближе к просвещению. Сличение языков может изъяснить происхождение и сродство народов между собой; и если б, по непредвидимому случаю, могли когда-либо исчезнуть с лица земли все памятники истории, тогда следы времен прошедших остались бы в самих диалектах, в их взаимных сношениях, в их внутреннем образовании; и тогда б мы судили о политической судьбе народа по совершенству грамматических форм ему принадлежащего языка.

Несколько позже был открыт Институт востоковедения при Министерстве иностранных дел в Петербурге, кафедры соответствующего профиля в Казанском, Московском, Киевском университетах, в целом ряде гимназий и училищ.

В 1826 году Шампольон становится почетным Членом Академии (и только после этого, в 1830 году, Членом Академии Надписей и Словесности в Париже).

21 февраля 1818 года на третьем заседании Академии Уваров излагает план издания «Путешествий Академиков», сказав в обосновании: «Ни одно ученое предприятие не принесло столь много славы Академии и столь много пользы отечеству, как путешествия Академиков по России.» В частности, им была составлена подробная инструкция для молодых ученых, предназначенных к сопровождению правительственной миссии в Китай.

География, астрономия, статистика, филология, древности, история, политическая экономия, зоология, ботаника, минералогия, художества, фабрики, благоустройства, торговля — словом, все, входящее в состав полного исследования края, все обозначено в инструкции. (П.А. Плетнев).

Полезных результатов этой экспедиции было много. Я бы отметил еще и такие «косвенные», как создание собственной фарфоровой промышленности на основе Гжельских фаянсовых кустарных промыслов. В 1832 году уже начинает действовать завод в Дулево, а вскоре русский фарфор стал конкурировать с европейским.

Был основан Азиатский музей, директором и хранителем которого был назначен Академик Х.Д. Френ. В дальнейшем его коллекции составили основу коллекций Эрмитажа.

Редактор: Я прошу прощения, что Вас прерываю, но не хотите ли остановиться? Боюсь, что Вы перескажете нам бóльшую половину книги «История отечественного востоковедения до середины XIX века» («Наука», 1990), которую Вы сами и дали мне просмотреть.

А.В.: Прекрасная книга. Действительно, оттуда можно понять, сколь мощно развивалось востоковедение в те самые времена. Я лишь хотел выразить свои эмоции. Когда Вы гуляете мимо сфинксов, что напротив Академии художеств,

не смущает ли Вас мысль, что всего этого могло бы и не быть, будь время немного иным.

Редактор: Например, нашим?

А.В.: Например, нашим.

Редактор: Однако, возвращаясь к Уварову. В книге он упоминается, но нет того ощущения, что железную дорогу построил граф Клейнмихель.

А.В.: Это естественно. Уваров до сих пор для многих является одиозной фигурой, и его стараются не упоминать. Но если читать «между строк»: N был причислен к Коллегии иностранных дел, NN был направлен в Петербургский университет для приготовления к профессорскому званию. И т.д. и т.п.

Кто-то причислил, кто-то направил... Но ведь сами собой такие вещи не делаются. Конечно, есть «дирижирование». Оно должно быть незаметным, ненавязчивым, но оно должно быть и было.

Редактор: У Вас получается, что Уваров был самым главным дирижером и исполнял ведущую партию.

А.В.: Я говорю так много об Уварове, поскольку говорю о нем. Я бы с удовольствием говорил и о многих других, но моей целью не является дополнение к упомянутой книге. Востоковедение слишком серьезная штука, чтобы говорить об одном «начальнике». Хотя, честно говоря, если бы я такого выделял, то выделил бы Уварова. Но не как главное лицо. Главная роль в оркестре все-таки за скрипкой, а у дирижера роль другая.

Редактор: Но хлопают-то дирижеру.

А.В.: Хлопают всем. И, в частности, дирижеру, поскольку подобрать исполнителей «главных ролей» и сделать из их исполнения нечто гармоничное — это заслуживает всяческого уважения.

Редактор: То есть нынешние востоковеды — славные парни, но начальники у них — ...

А.В.: Я этого не говорил.

Редактор: И я ничего такого не говорил.

А.В.: И начальники сейчас вполне нормальные люди.

Редактор: Только немного воруют... Но Вы бы не стали менять начальников, если бы пришлось.

А.В.: Не стал бы.

Редактор: Только Самого Главного Начальника.

А.В.: Это иллюзия, что все изменится, если сменить Начальника, хотя иногда это бывает полезно.

Редактор: То есть начальники тоже ничего... Время такое... Время разбрасывать камни.

А.В.: В каждом времени есть и хорошее и плохое, но то время мне нравится больше.

Редактор: То есть время Фамусовых, Скалозубов, Ноздревых, Маниловых...

А.В.: И что Вам эти шаржированные персонажи?

Редактор: А то, что построят Вас в три шеренги и будете с фельдфебелем беседовать об Уварове да Конфуции.

А.В.: И у Вас есть искреннее ощущение, что в то время именно так и происходило?

Редактор: Я думаю, что если бы происходило не так, то бессмертная комедия не имела бы такого успеха.

А.В.: Я думаю, что если бы происходило так и люди действительно узнавали бы себя, то бессмертная комедия не имела бы успеха.

Представьте на минуту, что автор бессмертной комедии захотел бы изобразить не шаржированный персонаж, а положительного героя, боевого офицера. Но при этом такого, который умеет «скалить зубы». Как бы этот персонаж должен был бы отреагировать на призыв Репетилова?

Редактор: Но Скалозуб не боевой офицер.

А.В.: А какой же? Если служил с восемьсот девятого и «давно полковники»...

Редактор: То есть тоже ничего, славный парень. Засел в траншею... В петличке орден... В тридцатом егерском, а после в сорок пятом...

А.В.: Не было не боевых полковников среди тех, кто прошел восемьсот двенадцатый.

Редактор: Что же ему раньше-то не дали орден, в двенадцатом?

А.В.: Но ордена дают, когда армия одерживает победу, а в начале войны таких эпизодов было немного, особенно в первой армии, которая под командованием Барклая де Толли непосредственно противостояла Наполеону до Бородин. При этом 30-ый егерский был в начале войны в составе 17-ой дивизии, в бригаде Коновницына, все время в арьергарде, то есть в самом пекле.

Причем в буквальном смысле. Я цитирую по «Истории Отечественной войны 1812 года» М.Богдановича:

В полночь с 5-го (17-е) на 6-е (18-е) августа, войска 1-й Западной армии, находившиеся непосредственно за Смоленском, отошли на позицию, где вся армия расположилась по обе стороны пореченской дороги, левым флангом к селению Крахоткину. В то же время войска, оборонявшие Смоленск, начали постепенно сниматься с занимаемых ими пунктов и переходить через реку; последние из них, под начальством принца Евгения Виртембергского, переправясь в четыре часа утра, развели пловучие мосты и зажгли постоянный. Барклай де-Толли не успел составить диспозицию для очищения Смоленска, и от этого случилось, что в Петербургском предместье и на правом берегу Днепра не было оставлено арьергарда для обеспечения переправы последних защитников города. Но хладнокровие и находчивость частных начальников поправили дело. Дивизии Коновницына и принца Евгения вышли последними. Коновницын, выступая из Смоленска, озабочен был, в одно и то же время, и сохранением порядка в отступающих войсках, и участью смолян, уходящих

из города с воплями отчаяния; здесь — герой Коновницын явился ангелом-утешителем несчастных: одним из них давал деньги, других ободрял словом участия, стариков и детей приказывал сажать на лафеты. С ним состязался в деле добра столь же мужественный защитник Смоленска Дохтуров.

Коновницын, выйдя из Петербургского предместья, оставил там своих егерей, 20-го и 21-го полков, для прикрытия отступления 4-й пехотной дивизии принца Виртембергского; к ним примкнули 30-й и 48-й егерские полки 17-й дивизии. . . . для обороны предместья и берега Днепра оставались только 30-й и 48-й егерские полки, да и те, вовсе не ожидая встречи с неприятелем, стояли оплошно.

В это самое время Ней, полагая Петербургский форштант совершенно очищенным, послал один виртембергский батальон и вслед за ним две португальские роты, вброд через реку. Егеря 17-й дивизии, занимавшие кронверк и предместье, были выбиты в поле. Тогда Барклай де-Толли, находившийся вблизи оттуда, приказал егерской бригаде Коновницына возвратиться; в то же время неприятельские войска были усилены 4-мя виртембергскими батальонами, но наши егерские полки обеих дивизий, 4-й и 17-й, под начальством Коновницына и Толя, кинувшегося вперед с ближайшим к неприятелю батальоном, ударили в штыки и оттеснили неприятелей за Днепр. Вместе с тем новый аррьергард, составленный из 14-ти егерских батальонов, 2-го и 4-го пехотных корпусов, и 16-ти эскадронов Сумского и Маршупольского гусарских полков, под начальством генерал-адъютанта барона Корфа, занял предместье и завязал с неприятельскими егерями, занимавшими левый берег Днепра, перестрелку, продолжавшуюся до самой ночи. Французская легкая кавалерия также покушалась перейти вброд через реку, ниже города, но была опрокинута войсками 2-го корпуса. Успеху его много содействовала артиллерия, весьма искусно расположенная на высотах правого берега. К вечеру весь форштант был объят пламенем; наши солдаты укрывались в садах, но и там жар усилился до того, что фрукты на деревьях были совершенно испечены. Солдаты, лакомясь ими, говорили между собой: «Не поверят нам дома, что в Смоленске мы снимали с деревьев печеные яблоки.»

Редактор: Замечательная цитата. Немного длинная, но мы так договаривались — приводить длинные цитаты. Не очень понятно пока — к чему она. Кто Вам будет возражать? Что читатель — должен крокодилов есть, чтобы доказать, что он уважает героев войны Двенадцатого года? Но я надеюсь, что Вы лишь из чувства противоречия причисляете к ним Скалозуба.

А.В.: К сожалению, желудки читателей, особенно школьников испорчены пищей, которую обильно приправляют уксусом. Обычная еда уже кажется пресной и скучной. Мало кто читает, например, «Письма русского офицера» Федора Глинки, хотя в то время они пользовались не меньшим успехом, чем комедия Грибоедова.

Редактор: Но Пушкин назвал Глинку «довольно плоским певцом».

А.В.: Все вы молчалины, переодетые в платье Чацкого. Мне нравится читать Глинку, так при чем тут мнение Пушкина? А некоторые из песен на слова

Глинки — просто жемчужины.

Редактор: Да ладно... Далеко не все засыпают от чтения, если в тексте нет сальных анекдотов. Но при чем тут Скалозуб? Третьего августа засел в траншею и получил за это орденок...

А.В.: Думаю, что «орденок» он получил за другое.

Редактор: То есть Вы уверены, что тогда просто так ордена не давали.

А.В.: То есть я совершенно в этом уверен. Если просто так раздают ордена, то армия проигрывает войну. Если внутри возникает недоверие, то трудно объяснить тем, кто идет умирать, что именно они должны умереть.

Редактор: Вы имеете в виду пушкинское «завидовали тем, кто умирать шел мимо нас.»

А.В.: Да, я имею в виду именно это. И факт тот, что это не гипербола. Они действительно шли умирать. Вполне сознавая это.

Редактор: Вы уверены?

Рок влечет за собой Россию, ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас выродившимися? Разве мы не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызывать сомнений...

Приказ по Великой армии. 22 июня 1812 года

А.В.: Абсолютно.

Редактор: Хорошо, но это было в двенадцатом. А в тринадцатом они уже шли побеждать.

А.В.: Это нам сейчас так кажется. А на самом деле из тех, кто третьего августа сидел в траншее, половина либо не вернулись домой, либо вернулись покалеченными. Еще был весь август и сентябрь и Дрезден. Только разве что после Лейпцига все определилось.

Редактор: Хорошо. Я понимаю Ваш пафос. И для меня те люди не посторонние, не абстрактный «ряд солдатиков из воска». Но вряд ли стоит так уж абсолютизировать свою симпатию. Я приведу ряд цитат из писем Н.Н. Раевского, написанных в этом 1813 году своим родным.

10 декабря 1812: ... Кутузов, князь Смоленский, грубо солгал о наших последних делах. Он приписал их себе и получил Георгиевскую ленту, Гормасов — Св. Андрея, Милорадович — Св. Георгия 2-й степени и высшую степень Владимира, а я, который больше всех, чтобы не сказать один, трудился, должен дожидаться хоть какой-нибудь награды!

2 июля 1813: ... Барон Венцельрод с 20 тыс. чел. разбил 6 тыс., и ему дали Св. Георгия 2-ой степени. Коновницын, который никого не разбил, получил ту же награду за прошедшую кампанию...

5 июля 1813: ... Венцельрод получил Св. Георгия 2-ой степени и пользуется доверием у Императора, не пользуясь оным ни у кого в армии. Это все от двора. Связи и интриги делают все, заслуги — очень мало.

29 июля 1812: ... Но вожди наши! !!! !!! !!! !!! !!! !!! !!! !!! !!! !!!

А.В.: Воспользуюсь тем, что зашла речь о Раевском, и от себя добавлю цитату с описанием той же ситуации под Смоленском.

7 августа 1812: ... Смоленск я удержал и форсировал против Бонапарте, при котором было три корпуса — Мюрат, Давуст и Ней. Я был в тылу наших армий расстоянием 40 верст, и хотя они бежали бегом, для спасения меня и себя, но первые полки пришли в шесть часов вечера. У меня было 10 полков моих, и шесть разбитых Генерала Неверовского.

В ночь сменил меня генерал Докторов, неприятель тогда был сильней, но у Докторова было 27 полков и вся армия за рекой на подкрепление. Его из форсированности выгнали, и он в стенах старой крепости удержался.

Неприятель уже отступил к своему лагерю; не должно было нам оставлять Смоленск, он потерял в 2 дня убитыми и ранеными более 20 тыс. и никак не мог форсировать город, следовательно, и, оставя нас тут, идти к Москве. Превосходство Гения и Славы Наполеона и ничтожество Барклая сделало его совершенно робким в действиях, мы отступили, а нас преследовали. Приехал Кутузов, и мы перемены не заметили ни в духе, ни в талантах. Наконец, надобно было дать сражение, мы его со всем тем, что вели нас глупо, совсем ни в чем не проиграли, и хотя решено было, и казалось твердо, на другой день атаковать неприятеля, но по тем же причинам, как и сам Барклай, на рассвете отступили. . .

Князь Багратион представил меня за 1-е сражение к Александровской ленте, за 2-е или к 2-му Георгию или к чину; князь Кутузов, как сказывают, представил за 26-е шестерых — и меня к Георгию 2-му, а за 24-е меня к бриллиантовым знакам. Итак, я представлен к Александре, 2 раза к 2-му Георгию или к чину и к бриллиантам, но не имею ничего.

Это не уйдет, главное, чтоб по письму моему Государь приказал бы оставить право заимодавцев до окончания войны, о чем я писал...

Я в Главную квартиру почти не езжу, она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии эгоизм, несмотря на обстоятельства России, о коей никто не заботится.

О своем душевном равновесии изясняюсь вам как самому себе, что мне все сие так омерзело, что я ничего не хочу, и хотя исполняю и буду исполнять долг мой, но не преступлю границу обязанности, как прежде я делал.

Суворов был человек необыкновенный, и посему принадлежал Отечеству, а Раевских много...

Редактор: Ну, и о чем это говорит?

А.В.: И о чем же это говорит?

Редактор: О том, что и на этой войне, как и всегда и везде, — чины, интриги, награды, зависть, злоба.

А.В.: Так что, выходит Н.Н. Раевский — прототип Скалозуба?

Редактор: При чем тут Раевский?

А.В.: Искал чинов, наград...

Редактор: Какой вздор. А что же, по-вашему, гражданским можно говорить о карьере, а офицеру следует ронять слезу?

А.В.: То есть Вы это про Скалозуба?

Редактор: Траншейный герой. «Die erste Kolonne marschiert...»

А.В.: Я думаю, что Вы зря вкладываете в эти слова больше язвительности, чем имел в виду Лев Толстой. Если бы Вы подключили к своим эмоциям поболее того, что называлось в то время «опытной наблюдательностью», то заметили бы, что от искусства маневрировать до боя исход самого боя зависит не меньше, чем от многих других компонент. Если армия в несколько десятков тысяч человек сосредоточится на небольшом «пяточке», а противник уйдет от боя. Это уже огромные проблемы. Если противник завязал бой, а части армии одна от другой – на расстоянии двадцати километров, это сутки марша и другие проблемы. Умение маневрировать, как и в шахматах, это уровень успеха или поражения, а иногда и сам успех или поражение. И если в начале августа 1813-го не было крупных боев, то внутренняя, невидимая динамика была очень напряженной. Каждому отдельно офицеру изнутри она могла быть совершенно непонятной, но она была и была очень нетривиальной.

Есть много и других невидимых составляющих, предваряющих каждое сражение. Кстати и Канкрин начал войну генерал-интендантом 1-ой армии и, по-моему, прекрасно делал свое дело. И Аракчеев, и многие, над кем теперь посмеиваются.

Редактор: Я не понял, какая связь между опытной наблюдательностью, траншеей и маневрированием, но глубоко осознал, что Скалозуб — славный парень.

А.В.: Я не знаю. Мне лишь интересно, «с кого они портреты пишут?»

Во всяком случае, в августе 1813 года ситуация была совершенно неочевидной. Н.Н. Раевский пишет весьма оптимистичные репортажи, однако впереди и его ранение и ранение его брата, попавшего в плен.

В декабре 1812 года казалось, что Наполеон побежден. 6 декабря в местечке Сморгони Наполеон покинул свою армию, отправившись в Париж, а 14 декабря маршал Ней последним перешел на прусский берег через тот самый мост, что был наведен по приказу 22 июня. Удивительным образом «в обратную сторону» повторилась ситуация, происшедшая после сражения при Маренго и отраженная в сюжете «Тоски», когда в Рим прибывает гонец с известием о поражении Наполеона, которое на следующий день сменяется сообщением о полном разгроме армии Меласа: 6 декабря под барабанный бой в Вильне и Ковно было объявлено о победе императора у реки Березины над объединенными корпусами Чичагова и Витгенштейна, о том, что у русских якобы взято 9 тысяч пленных и 12 пушек. А через три дня, 10 декабря в Виль-

ну вошел Платов со своими казаками. В этот же день в Варшаве Наполеон произнес свою знаменитую реплику:

Я покинул Париж в намерении не идти войной дальше польских границ. Обстоятельства увлекли меня. Может быть, я сделал ошибку, что дошел до Москвы, может быть, я плохо сделал, что слишком долго там оставался, но от великого до смешного — только один шаг, и пусть судит потомство.

Однако, в середине апреля Наполеон уже имел армию в 200 тысяч и возглавил ее в Эрфурте, 1 и 2 мая полная победа Наполеона у Вейсенфельса и под Лютценом. 3 мая Наполеон пишет очередную прокламацию, основной тезис которой выглядел следующим образом:

Мы отразим сих татар в ужасный их климат, которого они не должны более оставлять.

Одновременно с появлением упомянутой прокламации Наполеона Парижский архиепископ кардинал Мори, бывший роялист, а теперь бонапартист, произносит в соборе Парижской богородицы в присутствии супруги императора Марии-Луизы проповедь, в которой благословляет вновь начавшуюся кампанию, характеризует Наполеона как героя, «*который затмил блеском своих двадцатилетних триумфов всех великих деятелей истории*», и как освободителя в противоположность русским, «*предпринявшим фантастическую кампанию вторжений и завоеваний. Они льстили себя надеждой изгнать нас из Германии, перенести военные действия на нашу древнюю землю.*»

Тут же он объясняет причины бегства Наполеона из России, словом, занимается тем, что называется сегодня «поднять боевой дух». И это срабатывает: 20 мая победа под Бауценом, а 22 мая под Герлицем. (И, кстати сказать, все они — результат также и удачных маневров.)

И каковы же были шансы вернуться домой живым у того, кто 3 августа сидел в траншее, если каждое сражение было бойней? По 20-30 тысяч погибших с каждой стороны.

С обеих сторон столько, каково было в то время (по переписи населения 1842 года) население таких городов, как Казань (45 тыс), Киев (44 тыс), Саратов (42 тыс), Воронеж (42 тыс). Можете себе представить: одна битва — и города нет. За несколько часов.

Да если бы Скалозуб и не полковником был, а сапоги чистил тем, кто «сидел в траншеях», я бы и то на месте Фамусова предпочел бы его ненормальному, который ходит атакой на старух да девочек семнадцатилетних.

Редактор: Вот он и предпочел.

А.В.: Два молодых человека явились к отцу дочери на выда-
нье. Один из них не может удержаться — гневные тирады одна за другой. Второй весьма ехидно оценил их пафос, на что первый, не имея что ответить, назвал за глаза своего соперника «удавленным» и «фаготом». Странные оскорбления. И причем тут мазурка? Какая мазурка в 1813 году? Где? Под Лейпцигом? Что, Александр приехал в Прагу мазурку танцевать?

*Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин...*

А.С. Пушкин, (1817)

Та самая проповедь кардинала была опубликована в Париже, Лондоне и других городах Европы в мае, а в конце июля напечатана в «Сыне Отечества» вместе с ответом Уварова.

Политическая ситуация в Европе совершенно неочевидна. Наполеон и раньше терпел поражения: в Египте, в Испании, под Эсслингом, на море от англичан... И ничего, поднимался. Россия потеряла Кутузова 28 апреля, и непонятно, кому его заменить. Русские войска нуждаются в отдыхе и укреплении, экономическая ситуация кризисная. Прусский король мечется в полной панике. Англичане ведут себя гордо, и Россия в своей торговле уже значительно зависит от них. Потеряй Александр хоть на миг самообладание — и исход этого года был бы совершенно иным. И Россия жила бы так, как мы живем сейчас — жуя жвачку.

27 августа происходит большая битва под Дрезденом, в которой союзники потерпели тяжелое поражение, потеряв 25 тысяч убитыми против 10 тысяч со стороны Наполеона. В этой битве ядром, попавшим в группу всадников, в которой находился император Александр со своей свитой, был тяжело ранен генерал Моро, разделявший тогда с Александром функции главнокомандующего союзными войсками. Через несколько дней он скончался.

Пару слов для тех, кто не знает, кто такой Моро. Бывший сподвижник Наполеона, был выслан из Франции в 1804 году после обвинения в косвенном участии в заговоре Жоржа Кадудалья. Жил в Америке и Англии, а летом 1813 года прибывает в лагерь Александра, чтобы принять участие в борьбе со своим непримиримым врагом. Князь Репнин, тогда еще молодой, но уже опытный генерал, рассказывал, как тяжело переживал Моро свое двусмысленное положение. Существовали, разумеется, и резко отрицательные оценки поступка Моро — его согласия сражаться против французов. Но и при этом отдавалось должное его личным качествам.

После смерти Моро его тело по указанию Александра перевозят в Петербург и торжественно, с маршальскими почестями хоронят в церкви Св. Екатерины, что на Невском проспекте. Тогда же Уваров произносит речь, в которой говорит, что Моро был «гордостью и тайной надеждой Франции». Вслед

за этим выходит его брошюра «Eloge funèbre de Moreau», в которой он пишет и о «бурной эпохе, когда сумасшествие овладело вдруг людьми», и о том, что «нужно отдать дань уважения замечательным достоинствам Моро, ему свойственным», и об «удивительной честности, которая в эпоху распушенности блистает с особенной силой.»

Когда он (Моро) рассматривал положение в Европе, когда он взвешивал потребности этого огромного, истощенного тела, он желал Франции легитимного правления, при котором мощные барьеры обеспечивают гражданские свободы личности. Он желал ей возвращения к умеренности в политике, он желал ей внутренней устойчивости.

Уваров

Редактор: Жалко Моро! Александр Васильевич, мне теперь совершенно очевидно, что Скалозуб — боевой офицер, герой 12 года, только давайте Вы при этом не всю историю наполеоновских батальи будете рассказывать.

А.В.: Нет, не всю, а только то, что связано с Уваровым.

Редактор: Я должен все-таки читателю раскрыть секрет моего терпения. Дело в том, что Вы обещали чуть ли не детективный сюжет, связанный с Уваровым, психологический триллер. Вместо этого мы ведем какой-то странный разговор.

А.В.: Разве все, что связано с этой «бурной эпохой», не есть психологический триллер? Если кому-то скучно, пусть читает «Калейдоскоп». Я не умею обо всем сразу говорить, и если Вы не будете меня прерывать, то, надеюсь, мы сумеем кое в чем разобраться.

Редактор: Уже кое в чем разобрались. Скалозуб — национальный герой. Следующий на очереди, как я понимаю, Сергей Семенович Уваров.

А.В.: Сэргий Семенович.

Редактор: Ах, извините. И что же этот патриот?

А.В.: Этот патриот пишет статьи в газету «Journal de St. Petersbourg» — издание, которое в отличие от «Сына Отечества» Николая Греча и «Русского Вестника» Сергея Глинки, имевших то же направление, печаталось на французском языке. Это объясняется тем, что одной из его функций была борьба с официальными наполеоновскими изданиями — «Bulletin» и «Journal de l'Empire».

В 1814 и 1815 годах отдельными брошюрами публикуются две пространные статьи Уварова: «L'empereur Alexandre et Buonaparte» и «Appel à l'Europe» (Призыв к Европе). Пишет он и о Талейране и о разных других вещах, однако сейчас я хочу обратить внимание на неявно состоявшийся диалог (или обмен мыслями) Уварова и Шатобриана.

Франсуа Рене Шатобриан — это вполне подходящий персонаж для издания под названием «Консерватор», и очень жаль, что он не слишком хорошо известен в современной России, а его одно из основных произведений «Дух (или «Гений») Христианства» — не переведено полностью до сих пор.

Вам, конечно, известно, что мой пункт помешательства заключается в том, что я всюду вижу Иисуса Христа, где г-жа Сталь видит прогрессивное совершенствование человечества.

Шатобриан. «Письмо к Фонтану»

Родился он в 1768 году и ко времени прихода Наполеона к власти уже имел определенный авторитет, и не только в литературных кругах. После появления «Духа христианства» Наполеон желал привлечь Шатобриана на свою сторону и назначил его секретарем при французском посольстве в Риме. Не ужившись с послом, дядей Наполеона, кардиналом Фесшем, он вернулся в Париж и затем был назначен послом в Швейцарию. После убийства герцога Энгиенского подал в отставку, «не желая быть слугой убийцы».

В 1807 году он опубликовал статью на тему, которая обсуждалась и в других его сочинениях — об ответственности государственного деятеля перед историей:

Когда среди позорного молчания слышны только лязг цепей да голос доносчика, когда все падают ниц перед тираном и тот, кто пользуется его благосклонностью, подвергается такой же опасности, как тот, кто навлек на себя его гнев, тогда мстителем за народ является только историк. Пусть благоденствует Нерон, в империи уже родился Тацит: он растет, пока еще безвестный, близ праха Германика, и уже беспристрастное Провидение отдало судьбу повелителя вселенной в руки ребенка.

После вторичного падения Наполеона Шатобриан получил портфель министра внутренних дел и звание пэра Франции, однако через два года лишился и того и другого после опубликования трактата «О монархическом правлении согласно хартии», в котором указывал на необходимость введения конституционных гарантий, свободы прессы и других коренных реформ.

В дальнейшем Шатобриан был посланником, министром иностранных дел, имел отношение к заговору, сидел в тюрьме, а затем и вовсе отошел от политики, заявив, что не желает быть «никому не нужной Кассандрой».

Теперь перейдем к полемике Уварова с кардиналом Мори, и я хотел бы обратить Ваше внимание на замечание Уварова, которое он как бы выделяет. Это единственный комментарий, сделанный не в «Ответе», а непосредственно в тексте «Воззвания», комментарий уже к одному его заголовку. Здесь следует

напомнить некоторые обстоятельства и вернуться к другому произведению Шатобриана — его «Мученикам», текст которого (хотя и не совсем полный) был опубликован на русском языке в 1892 году.

Оригинал был подписан и вышел из печати в 1809 году, когда в Европе был разгар событий. Апрель: серия кровопролитных битв Бонапарта с войсками австрийского эрцгерцога Карла. 13 мая: бургомистр Вены подносит императору ключи от австрийской столицы. 17 мая: тяжелая и яростная битва под Эсслингом, закончившаяся отступлением Наполеона и гибелью маршала Ланна, вызвавшей на глазах императора слезы. Этим же днем датирован декрет Наполеона, объявлявший, что Рим вместе с Ватиканом и всеми владениями Папы отныне присоединяется к Французской империи.

Одна и та же бойня леденит вас одним и тем же ужасом... У всех нас пропало мужество работать. Охватывает отвращение к литературе, к науке, к мысли. Когда жизнь так тяжела, чуеться всеобщая смерть.

Письмо Сисмонди Г-же Альбани. Май 1809

Из донесений Наполеон узнает, что Папа Пий VII и его кардиналы в своих проповедях называют Эсслингскую битву карой божьей всемирному угнетателю, тирану и обидчику церкви. 10 июня французы окончательно заняли Рим, и в тот же день 10 июня Папа подписывает новое отлучение от церкви и предание Антихриста анафеме. Об этом пишет, в частности, А.Ренненкампф в своих воспоминаниях, опубликованных в 1813 году:

В церкви господствовало глубокое, торжественное безмолвие: взоры всех устремлены были на дверь, в которую надлежало войти Папе. Мало-помалу наполнилась вся церковь. Наконец, появился священный муж под балдахинном. Святое глубокочитание ему предшествовало; народная толпа перед ним расступалась; везде преклонялись главы, принимая его благословение в знамении креста, совершаемым священной рукою...

Весь народ, пораженный подобно мне, с вниманием слушал речь Папы, в которой он коротко, но важно и сильно изобразил происшествия, случившиеся после первого письма Миоллисова с границы Папской области, и потом в силу священной должности своей Наместника Христова на земле, возвысив голос, произнес предание анафеме Императора Французов и всех тех, которые советовали ему поступать вопреки благу церкви. ...

Объявление об отлучении от церкви на латинском языке прибито было к четырем главным церквям Римским: S.Pietro в Ватикане, S.Giovanni в Латеране, Santa Maria Maggiore и S.Paolo fuori della mura.

Папа римский вскоре был арестован и увезен сначала в Савону, а затем в Фонтенбло. А как быть с Шатобрианом? Птица, конечно, помельче, но все-таки. Все-таки слишком явно намекает автор «Мучеников» на современные

события. В образе Галерея легко узнается Наполеон, в лице софиста Гиероклеса — Талейран и т.д. Но нужно вспомнить, что это было время, когда подобная интерпретация императора, в общем-то, устраивала. Тогда он чаще носил маску льва.

Тем не менее, через год произошел эпизод, о котором пишет Е.В. Тарле в статье «Печать во Франции при Наполеоне I»:

В 1812 году вышел направленный против Шатобриана памфлет «Parallèle entre M.de Chateaubriand et M.de Chenier». Этот памфлет был казенного происхождения и написан был, как явствует из бумаг полиции, по поручению главного директора по делам печати Поммереля одним из чиновников этого ведомства. Но это еще не так любопытно, как то, что министр полиции не одобряет такого поступка со стороны Поммереля, ибо это обстоятельство позволит Шатобриану «представить себя преследуемым человеком» и «это сделает его интересным в глазах партии» (подразумевается, в глазах приверженцев папы, соблазнующих пленнику Наполеона Пию VII). Как же поправить дело? Весьма просто: приказать газетам (точнее «Journal de l'Empire» как наиболее читаемой) напечатать «умеренную защиту» Шатобриана: «Это было бы очень полезно, так как лишило бы его ореола мученика.»

Что и было сделано 26 ноября 1812 года. Разумеется, ни сам Шатобриан, ни Уваров об этой хитрости не знали. Разумеется, был в курсе дела кардинал Мори, проповеди которого согласовывались и направлялись официальной политикой. Его речь была иллюстрирована фразеологическими красотами, сентенциями, образами Шатобриана. И Уваров, упрекая Мори в лицемерии, выносит «частное определение» в адрес французского писателя, которого позже стали называть «выразителем взглядов католической реакции».

По возвращении из России в Париж Наполеон предпринимает целый ряд шагов по укреплению пошатнувшегося авторитета и введению расшалившегося общественного мнения в нужное русло. В частности, он 19 января является к своему пленнику в Фонтенбло Папе Пию VII, оформляет новый конкордат и одновременно арестовывает его помощника, кардинала ди Пьетро. По поводу процедуры подписания конкордата особенного расхождения во мнениях у историков нет. Характерным является сообщение, помещенное в «Сыне Отечества»:

«В «Прусском корреспонденте» полагают, что Конкордат от 25 января сего года сочинен следующим образом: Наполеон, при посещении Папы, убедил его написать предварительные пункты условий, вследствие которых он может простить Наполеону; выпустил из оных то, что ему не нравилось, прибавил еще, что ему было угодно, подписал и назвал эту бумагу Конкордатом.»

Через некоторое время несколько европейских изданий, неподвластных (или ставших неподвластными) Наполеону, напечатали текст нового отлучения Наполеона от церкви, подписанного Пием VII в Фонтенбло 1 февраля 1813 года. И вновь Бонапарт объявлялся Антихристом.

В жизни государств, как и в жизни людей, существует непреложный закон, который можно было бы назвать законом фатализма, если бы он не был установлен вечным и непостижимым провидением. Этот закон, запечатленный как в мире моральном, так и в мире физическом, проявляется везде в эту бурную эпоху, в это страшное брожение, когда появляются необыкновенные люди, которые украшают историю именами завоевателей и узурпаторов.

Уваров

Редактор: Вы намекаете на то, что нам следует ждать появления «необыкновенных людей». Или они уже есть?

А.В.: Ни на что я не намекаю. Сейчас — время гниения, а не брожения. Процессы имеют общие черты, но разные. Хотя личности вроде кардинала Мори встречаются и сейчас, но они помельче и как личности не вызывают никаких эмоций.

Редактор: Личность характерная, что и говорить. Пока Вы о ней рассказывали, я нашел портрет кардинала Мори у Карлейля:

у него широкое, смелое лицо, правильные очертания губ, большие глаза, светящиеся умом и хитростью — тем видом искусственности, которая бы поразила, если бы вы назвали ее искусственной. Он искуснейший штопальщик старой гнилой кожи, которой придает вид новой; это человек, постоянно идущий в гору; он обыкновенно говорил Мерсье: «Увидите, я буду в Академии раньше вас». И вполне вероятно, ловкий Мори; мало того, ты получишь кардинальскую тиару и плиц, и славу, но, увы, в конечном счете забвение, как и все мы, и шесть футов земли! Что проку латать гнилую кожу, если таков конец? И поистине славной надо назвать жизнь твоего доброго отца, который зарабатывает, и, можно надеяться, достаточно, шитьем сапог. У Мори нет недостатка в смелости; скоро он начнет носить пистолеты и на роковые крики «На фонарь!» холодно ответит: «Друзья мои, разве от этого вы будете лучше видеть?»

А.В.: Карлейль — король язвильщиков. Однако язвить в 1813, когда Мори был в силе, и в 1837 годах — разные вещи. Анекдоты о человеке, перерассказываемые через 20 лет, уже требуют объяснения. Кроме того, портрет местами не вполне понятен и, как мне кажется, несколько противоречив.

Редактор: Не стоит требовать от человека того, что он не обещал. Карлейль — импрессионист в истории. Он рисует мазками и разбирать каждый мазок в отдельности достаточно бессмысленно. Однако, возвращаясь к Мори. Почему Уваров выбрал именно эту личность? У Карлейля описанный портрет, пожалуй, единственное место в книге, посвященное этому человеку. В общем-то, это и все, что можно было бы сказать о нем. Безликая личность. Я могу Вас понять (хоть и не разделяю Вашего мнения), когда Вы говорите, что Наполеон — щепка, поднятая волной, «нечаянно пригретая славой». Но что Мори? Капля той волны?

А.В.: Хоть и капля. Но «той волны»! Впрочем, я думаю, что это сейчас так легко рассуждать. А тогда все было неясно и конкретно. Шла война, исход ее был неясен. И тот факт, что исход ее в том году был неясен, остается неясным для большинства историков. Война была тяжелой и очень непростой, к ней Россия тщательно готовилась несколько лет. И победа определялась большим количеством составляющих — и уровнем артиллерии, и тем, что у русских солдат были зимние полушубки, и качеством снабжения — миллион обстоятельств. В частности, велась и идеологическая борьба. Это естественно.

Редактор: Стало быть, со стороны французов — кардинал Мори, а с нашей — Уваров.

А.В.: Да нет. Все проще. Уваров по роду службы близко знал многих лиц и события, которые теперь представляются легендарными. О них и писал. Вообще же это была не его «ипостась». Он был отлично образован, свободно знал не только живые языки, но и мертвые — в частности, разумеется, греческий и латынь. И хорошо понимал историю. Он ее «чувствовал».

Редактор: Вы можете представить его «Curriculum vitae»?

А.В.: Разумеется. И перечень публикаций, хотя и неполный, поскольку зачастую он публиковал без подписи, и поэтому трудно определить автора наверняка. Кроме того, он регулярно писал в ту самую газету, которую редактировал, и эти статьи шли также без подписи. Кроме того, в ряде изданий он участвовал, но не был «основным автором», например, в издании *«Дух Наполеона Бонапарте, или жизнь и ужасные деяния его, начиная со дня рождения до 1814 года с присовокуплением жизнеописаний: Людовика, Иосифа и Луциана Бонапартов, Иоахима Мюрата, Евгения Богарне, Карла Талейрана, Иосифа Феша и всех его маршалов и знатнейших светских, военных и духовных чиновников ...»* Однако, об этом потом.

Редактор: На этом мы пока и закончим. Для первого выпуска довольно.

Ф.Р. ШАТОБРИАН

Мученики или торжество христианства

С-Пбг, 30 мая 1892 г.

стр. 89

...За ним встал демон лжемудрия. Притворная строгость его голоса, наружное спокойствие легко могли обмануть толпу. Он принял вид старца, начальника распространенных в Афинах и Александрии школ...

– Властители ада, – заговорил он с важностью, вы знаете, я всегда противился насилью. Мы одержим победу кротостью и терпением. Дозвольте мне распространить между нашими последователями и христианами принципы, подрывающие государственный строй.

Данте. «Ад»

*И образ омерзительный обмана,
Подплыв, но хвост к себе не подобрал,
Припал на берег всей громадой стана.
Он ясен был лицом и величав
Спокойством черт, приветливых и чистых,
Но остальной змеиный был состав.*

**Опыт Исторический, Политический и Нравственный
о древних и новейших переворотах**

Сочинение Шатобриана

*Experti invicem sumus Ego ac Fortuna
Tacit*

*Переводил Дмитрий Воронов
Часть I*

Санктпетербург 1817

*В Типографии, состоящей при Особенной Канцелярии
Министерства Полиции*

стр. 3.

... Читатели! Отбросьте на минуту ваши страсти, пробегая сие творение о самых великих задачах, какие только могут занимать людей! Рассмотрите внимательно в совокупности со мною существо их. – Ежели вы когда почувствуете воспаление вашей крови, закройте книгу; когда же ощутите, что сильное биение вашего сердца кончилось, начинайте чтение. Я не тем увлекаюсь, чтобы открыть пред вами мой гений, но сердце, не занятое предрассудками, – по крайней мере такое сердце, какое должен иметь человек.

стр. 5.

Республиканцы, постановители (Constitutionnels), Монархисты, Жирондисты, Роялисты, Эмигранты, наконец, Политики всех сект...

Для лучшего уразумения я принужден буду нередко употреблять различные имена партий Французской революции. При сем предуведомляю, что сии имена необходимы к пояснению моего предмета. Я такой писатель, который не принадлежит ни к какой секте и уверен, что есть много честных людей, хотя они не одинаково со мной чувствуют.

стр. 10.

... Откровенно скажу: надежда быть полезным людям возносила мою душу и водила моим пером.

стр. 39.

... Меня очень часто упрекали за то, что я совсем иначе, нежели другие, смотрю на предметы. Это быть может. Но, ежели меня захотят осудить так поспешно, что не дадут мне времени изъясниться, как бы я желал; ежели оскорбляются уже некоторыми вещами, не узнав наперед, какое место сии вещи занимают во всеобщей гармонии частей, то я уже для таковых закончил свое дело. У меня нет ни охоты, ни способности обо всем вдруг мыслить и обо всем вдруг говорить.

стр. 132.

Приведем нравственность мудрецов: (Ж.-Ж. Руссо)

Пусть один рассудок будет вашим руководителем. Рассматривайте, что есть добро. Все, что вы ни предпринимаете, имейте в виду конец. Три вещи суть трудные: хранить тайну, переносить обиды, употреблять с пользой свои досуги. Посещай друга более в его несчастьи, чем в счастии.

Не издевайся никогда над злополучным. Золото познается посредством оселка; а оселок человека есть золото. Познай самого себя. Не делай того другим, чего себе не желаешь. Умей пользоваться случаем. Величайшее из несчастий есть то, когда не умеют великодушно переносить несчастье.

Относи в честь Богам все, что ты ни делаешь доброго. Не забывай несчастного. Когда ты выходишь из своего дома, то размысли, что ты должен делать, а когда возвращаешься в него, то помни, что ты сделал...

[Четвертая книга правил сочинения Шамфора, издан. в Париже.]

Покажем нашу Философию.

... Не столько опасно делать зло большей части людей, сколько добро...

стр. 137.

Гераклит Дарию, сыну Гистаспа, здравия желает.

Люди попирают и истину и правосудие. Ими движет непрестанно ненасытное желание богатства и славы. А я, я всячески избегаю гордости, зависти, суетной заботливости, сопутниц величия; я отказываюсь быть при дворе Сузы; умею довольствоваться малым, и сим малым располагаю как хочу.

стр. 141.

... Оттоль следующие последствия их правил: – «Уважай Богов: познай самого себя; – покупай у общества за низкую, а продавай за высокую цену».

БОНАПАРТЕ И БУРБОНЫ

Сочинение Шатобриана

подписано к печати 6 мая 1814 года
Цензором, Статским Советником и Кавалером
Иваном Тимковским.

стр. 6.

... Бонапарте не обнаруживал своих намерений. Качества его открывались постепенно. Приняв умеренное титуло Консула, приучил

он сначала, не терпящий зависимости дух Французов, не страшиться власти, ему дарованной. Он привязал к себе истинных патриотов, объявля себя защитником общественного порядка, законов и Религии. Мудрейшие люди попались в его сети, и самые дальновидные были обмануты.

стр. 8.

... Первая известная жертва коварства сего тирана был начальник Роялистов Нормандских г. Фротте. Он, будучи благородный и неспособный к подозрению человек, был приглашен в некоторое собрание, куда побудило его притти данное им честное слово, где тотчас был задержан и расстрелян. Вскоре потом Туссен-Лувертюр был увезен обманом из Америки и задавлен в том замке, в котором содержался по возвращении в Европу.

В непродолжительном времени гораздо знаменитейшее убийство привело в ужас всех благомыслящих людей. Тогда увидел свет вновь возникшими времена варварства средних веков; явления, встречающиеся ныне в одних только романах; преступления, случавшиеся только во время междоусобных браней в Италии, которые политика Махиавелева водворила по ту сторону Альпов. Чужеземец, не бывший еще Государем, возжелал по окровавленному трупу Француза взойти на престол Франции.

И кто же был сей Француз? Боже милосердный! для содеяния сего ужасного злодеяния все было попорано: права народные, правосудие, Религия и человечество. Герцог Ангиенской захвачен среди мира и в чужом владении из замка Оффенбургского.

Он выехал из Франции в столь юном возрасте, что не знал еще ее. Сидя между двумя жандармами, смотрит он из почтовой кареты, как бы в первый раз, на отечественную землю свою; едет на смерть по тем полям, которые славятся подвигами его предков. В глубокую ночь приводят его в башню Винсенского замка. При свете факелов, под сводами тюремными, возвещают внуку Великого Конде вину его, состоящую в том, что он явился на поле брани (сражаясь за законных Государей). Уличенный в сем наследственном преступлении, он осуждается на смерть. Вотще просит он дозволения увидеться с Бонапарте. – О простота душевная! толико же возбуждающая сострадание чувствительного сердца, сколь и свойственная Герою! мужественный юноша был величайший почитатель своего убийцы. Он не мог и помыслить, чтобы вождь возжелал убить простого воина.

... Тому, кто соделался ниже человека ужасными злодеяниями, остается одно притворство – показать себя выше человечества чрезвычайными замыслами; поводом к злодеянию объявить причины, непонятные простолюдинам; и наконец, бездну неправосудия заставить почитать делом высочайшего Гения.

... Бонапарте воспользовался ужасом, который распространило между нами убийство Винсенское, дабы сделать последний шаг и взойти на престол.

... Тогда начались Великие Сатурналии его неограниченной власти: преступления, угнетения всякого рода, рабство шли равными шагами с безумием. Всякая свобода исчезает, всякое честное чувство, всякая великодушная мысль почитаются заговорами против Государства. Кто упомянет о добродетели, становится подозрительным; хвалить доброе дело значило нанести обиду Монарху. Слова переменяют свое значение: народ, сражающийся за законных своих Государей, называют бунтовщиками; злодеи почитаются верноподданными; вся Франция становится Монархией лжи. Журналы, публичные листы, речи, проза и стихи, – все скрывают истину.

Уверяют, что было ведро тогда, когда шел дождь; когда тиран прогуливался посреди народа, хранившего глубокое молчание, тогда пишут, что он встречен был с восторгом живейшей радости: – единственный предмет был венчаный Бонапарте: нравоучение состоит в том, чтобы повинаться его своеобычности, а долг в том, чтобы хвалить его. Наипаче должно восхищаться от удивления, когда он сделал какую-нибудь ошибку или злодеяние.

Ученых людей принуждают угрозами прославлять Деспота. Им назначают меру хвалы; и они счастливыми себя почитают, когда, сказав несколько слов на счет славы оружия его, приобретут право несколько раз вздохнуть, выставить какие-либо злодеяния, или привести на память некоторые запрещенные истины. Не можно было издать ни одной книги, которая не означена была хвалою Бонапарте, как клеймом рабства. В новых изданиях древних писателей Цензура повелевала выбрасывать все те места, в которых что-либо писано о завоевателях, рабстве или тиранской власти; так точно прежняя Директория старалась выпускать в них те места, в которых упоминается о Монархии или Королях. Месяцеслов рассматриваем был весьма тщательно, и конскрипция соделалась догматом веры в Катехизисе.

В Художествах то же было рабство: Бонапарте повелевает отравить зараженных язвою в Яффе. Его изображают на картине подвигнутого чрезвычайно отважностью и великодушием, прикасающимся до сих зараженных. – Святой Людовик не так исцелял больных, которые приходили к нему влекомы верой и надеждой...

стр. 18.

... Обман и молчание составляли два великие средства содержать народ в заблуждении.

стр. 19.

... Мало показалось держать в оковах отцев, надлежало располагать детьми...

Власть родительскую, которая пощажена была ужаснейшим тираном древности, почитал Бонапарте злоупотреблением и предрассудком. Он хотел сынов наших превратить в род Мамелюков, не знающих ни Бога, ни родителей, ни отечества. Кажется, что сей враг человеков хотел сокрушить Францию в самых ее основаниях. Он более развратил людей, более сделал зла роду человеческому в краткое время десяти лет, нежели все тираны Рима совокупно, начиная от Нерона до последнего гонителя Христиан.

стр. 22.

... Хвалили правление Бонапарте. Если правление состоит в цифрах, если для того, чтобы премудро править Государством, довольно знать, сколько в какой провинции собирается хлеба, сколько делается вина и масла, где можно взять последний талер и последнего человека, то, конечно, Бонапарте был великий правитель народов. Нельзя лучше устроить зло, не можно более ввести порядка в беспорядок.

стр. 23.

... Правление самое расточительное пожирало часть государственных доходов. Целые ватаги таможенных служителей и сборщиков поглощали подати, которые им собирать было должно.

стр. 23.

... Табак, соль, шерсть, колониальные произведения, были для него предметом ненавистного единоторжия; он сделался единственным купцом в своем государстве...

Не должно приписывать его законам успехи нашего земледелия. Оными обязаны мы разделу больших имуществ, уничтожению некоторых феодальных прав и многим другим причинам, проистекшим от революции. Сей беспокойный и странный человек ежедневно отягощал народ, не имеющий ни в чем нужды, кроме покоя, противоречащими один другому указами, которые нередко совсем были не исполнимы.

**ИМП-Р ВСЕРОССИЙСКИЙ
И БОНАПАРТЕ**

*.....Jam non ad culmina rerum In-
justos crevisse querar; tolluntur in al-
bum, ut lapsu graviore ruant.**

Claudian

СПб

В тип. Ф.Дрехслера
1814

Печатать позволяется.

СПб 19 июня 1814

Цензор

Ст.Сов. Ив.Тимковский

*Ея Императорскому величеству
Государыне императрице Марии Федоровне*

с благоговением посвящает сочинитель .

Последнее сочинение г. Шатобриана подало мысль к начертанию сих строк. Не имею тщеславия становиться рядом с сим знаменитым писателем, которого редкому таланту никто больше меня не удивляется; но благодарю ему, что он не писал о сем предмете. Радуюсь, что представлено Русскому, хотя и в неравных силах, принести жертву благоговения беспримерной славе Монарха, который, можно сказать, душою своею принадлежит многим векам и который с таким достоинством соединяет в себе свойства Христианина, Философа и воина.

Уваров

.....

В жизни государств, как и в жизни людей, существует непреложный закон, который можно было бы назвать законом фатализма, если бы он не был установлен вечным и непостижимым провидением. Этот закон, запечатленный как в мире моральном, так и в мире физическом, проявляется везде в эту бурную эпоху, в это страшное брожение, когда появляются необыкновенные люди, которые украшают историю именами завоевателей и узурпаторов.

* Я уже не буду жаловаться на то, что несправедливые доросли до вершины вещей; они поднимаются вверх, чтобы рухнуть тем более тяжелым падением. (пер. И.А. Перельмутера).

Воззвание

Его преосвященства Господина Кардинала Мори,
в коем приказано отслужить благодарственное молебствие в соборной и
прочих церквях города Парижа и Епархии онаго, вследствие благочестиваго
намерения Ея Величества Императрицы и Королевы.

Г.Шатобриан, показав в своей Атале, какое красноречие религия может внушить простому священнику и исполненному веры миссионеру, без сомнения произвел сильное действие; но если бы он представил, до какой степени высокия истины Евангелия, могут поднять Оратора, не знающего правил нравственности, то сообщил бы, может быть, убедительнейшее доказательство о средствах, которые Ораторы находили и всегда будут находить в духе Христианства.

Подлинник, печатаемый при сем переводе, сочинен и вышел в свет в Англии.

Любезнейшие братья! Император, принимая на троне последнее приветствие законодательного сословия, произнес народам своим сии достопамятные слова: Я скоро **приму начальство над войсками моими и уничтожу лживые обещания наших врагов.**

Едва начата кампания – и прорицание сие уже свершилось. Первые дни неприятельских действий привели в исполнение сие важное обещание Геня. Подкрепляемый испытанным покровительством неба и одушевляемый благородным чувством своей силы, наш Августейший Монарх представил нации свои надежды, в исполнении которых ручались двадцатилетние триумфы, затмившие блеском своим славу всех лиц Истории.

Наши враги, ободренные отпадением непостояннейшего из наших союзников, который пострадал уже за ослепление его слабости, не сомневались, однако, в совершенном успехе нового своего союза против Франции. Доколе хладный климат прекращал течение побед наших, Русские, забыв все свои поражения, которые они в прошедшем году торжествовали благодарственными молебствиями, почитали постоянным торжеством мгновенное покровительство стихий. Они думали, вступив на жалованье Англичан, что Император никогда не успеет снова устроить своей армии. В безрассудном уповании, что воинская сила наша унизилась, они сделали в течение зимы мечтательную кампанию вторжений и завоеваний. Они ласкались надеждою изгнать нас из Германии, перенести театр войны на древнюю нашу землю, если бы мы не приняли законов, которые дерзость их хотела предписать нам на берегах Рейна, и все

сие сновидение славы исчезло не прежде пробуждения и разочарования их на равнинах Люценских.

Одна суровость рановойременной зимы восторжествовала над нашею армиею, которая всегда была победоносна в сих удаленных и ужасных странах; но гордясь бичом, которого жестокости они однако ж разделяли с нами, Русские почитали наши предприятия сновидениями, наши приготовления баснями, наши средства мечтами. Довольно было для Франции четырех месяцев – чудес с одной стороны, а мечтаний с другой, дабы пойти против них и явиться изумленной Германии могущественнее, нежели когда-нибудь. Прекращение военных действий в течение зимы все исправило. Благородное соревнование в усердии и добровольных пожертвованиях освободило от всякой остановки Государственные доходы, сию великую пружину войны, возобновив нашу армию, без умножения народных податей, без причинения каких-либо вредных оборотов, и лишь только все воинственное ополчение восстановилось, при возвращении весны, то вооруженная коалиция сама предстала ударам, которые приготавливали ей наши храбрые воины.

.....

Мы отразим сих Татар в ужасный их климат, которого они не должны более оставлять.

Прокламация Императора Наполеона армии, 3 мая 1813 года.

В самом деле, кампания, открывающаяся при таких блистательных успехах, должна, по-видимому, довершить во всем их пространстве намерения Провидения в благолепных судьбах Императора.

Враждующие с Францией державы! вы сочли наши легионы, вы исчислили разные вооружения, их составляющие, но забыли уважить и необыкновенный гений их Предводителя, которого высprenние соображения умеют приводить в равновесие их действия, составлять из них целое, снабжать их новыми средствами и усугублять их силу...

Малочислие нашей конницы, которую Император желал пощадить, и на подкрепление коей назначал громоносную свою артиллерию, освещает вдруг его мысль одним из тех **мгновенных лучей**, о которых говорит Боссюэт. **Надлежит сражаться, как в Египте**, сказал он войскам своим, и **довольствоваться хорошою пехотою, при помощи артиллерии**. История сохранит сие достопамятное следствие соображения, внушенного воинским гением, которое одно могло доставлять победу.

.....

Одна лишь религия, любезнейшие братья, соединяя все выгоды Государей и подданных, богачей и бедных, составляет истинную пышность народных торжеств и придает выражению общей радости величественный и священный вид, который, при всеобщем восторге, становится еще трогательнее и величественнее. Без религии нет истинных, народных торжеств, ничто не соединяет

толпы в одно семейство. Мир имеет увеселения, а христианство одно знает истинные торжества. Чувствования и выгоды людей совершенно согласуются единственно в храмах. Повергаясь пред Богом, Государи научают подданных своих почитать их одушевленными изображениями божества. собираясь вокруг алтарей, чувствуем счастье быть Христианами, гордимся быть Французами, и всяк думает участвовать в славе армии, торжествуя оную, с толикую радостью и величеством в наших святилищах. Бог, будучи здесь посреди нас, и видимо **близ нас**, по выражению Св.Апостола Павла, объявляет себя нашим заступником. Изображение Государя начерчивается здесь во всех сердцах. Восклициания целого народа повторяют его драгоценное имя с единомушными восторгами благодарности; но его слава так приучила нас к чудесам, что уже не можно более изумить нашего удивления. Ах! с каким удовольствием насладилась бы его великая душа нашей любовью, если бы он в сию минуту мог быть свидетелем всех чувствований, которые он внушает!

.....

Какое трогательное зрелище! Мы видим в святилище нашем обожаемую Супругу Государя, мать наследника Престола, Правительницу Империи, приносящую Богу торжественное благодарение за славу великого мужа, которого торжественно она возвестила, объявив Французам, что **его сохранение столь же нужно для счастья Империи, как и для Европы, и религии, которую он подъял, должен утвердить, и которую сердечно покровительствует.** Какое зрелище!

.....

Мы можем возвестить велегласно, полагаясь на уверения вельмож, призванных к ея Совету, что порученное ей Правительство развивает в ней ежедневно душу, преисполненную кротости и доброты, высокую мудрость в делах и в речах, прилежание, любовь к порядку, привычку к вниманию и участию, исправную память и непрерывность в делах, точность ума, зрелость суждения, основательность размышлений, которыя, доставляя ей всеобщую похвалу, ручаются в драгоценнейшем одобрении для ея сердца. Столь блистательные качества еще украшаются под диадимом примерным и надлежащим благочестием и прелестию ея кратких добродетелей, которыя тем более приводят в любовь ея благочестивыя правила, что приглашают подражать ей, не принуждая к лицемерию.

Ответ на воззвание Е. Пр. Г. Кардинала Мори

Милостивый Государь!

Не читав еще лжей, произнесенных вами с кафедры, посвященной одной истине, на которой вы некогда приобрели славу, ища одного счастья,

Аббат Мори был учительским помощником в духовной школе и жил в бедности, когда ораторские дарования познакомили его с Аббатом Буасмонтом. Сей престарелый Академик и Королевский проповедник, положил основание его счастью, назначив ему важный доход. Говорят, что Аббат Мори, быв назначен занять его место в Академии во время последней болезни своего благодетеля, более занимался начальной речью своею, в которой надлежало похвалить покойного предместника своего, нежели его смертью. Он беспрестанно выспрашивал его и старался исхитить из уст умирающего некоторые подробности о его жизни. Буасмонт, приметив его намерение и неблагодарность, сказал ему слабым голосом: «перестань Аббат, ты давно уже снимаешь с меня мерку.»

не рассмотрев еще вашего поведения после отпадения от веры, которого вы искали как милостыни, словом, прежде упадка вашего, я уже был уверен, что в жизни есть степень, с которой человек, не поддерживаемый добродетелью, должен сойти, но при изобличении сего свойственного человечеству упадка, История никогда не представляла мне чрезвычайного унижения, до которого может достигнуть Кардинал, Князь Римской церкви. Свергнутый с небес сатана сохраняет и в глубине тартара некоторое достоинство: хотя он, подобно вам, величайший из неблагодарных, хотя он, подобно вам, из гордости помрачает собственную славу свою, но он притом угрожает, а не пресмыкается.

.....

Но не надейтесь, Милостивый Государь, что ваше унижение будет заразительным примером. В сонме преступников, руководимых всеми страстями человеческими, в числе славолюбцев всех родов, сих бешенствующих приверженцев всех сторон, никто не имеет права быть столь великим преступником, как вы. Избранное вами место будет единственным в истории, и если Европа когда-либо к чести своей произведет другого Данта, то в его аду новый род казни, донныне неизвестный воображению людей, без сомнения будет наградою, которую гений назначит неблагодарности. Вы хотели достигнуть двух

концев длинной цепи славы и безчестия, соединяющей те времена, в которые вы сражались за религию, со временем, в которое вы молитесь за его гонителя; вы были возведены с последних степеней общества на первейшие достоинства церкви, и вдруг с высочайшей степени, на которую слава может возвести человека, словом, с сей точки, на которой и самая зависть не могла вас достигнуть, вы низверглись, обременены будучи двадцатилетним лицемерием.

.....

Вы говорили похвальное слово Святому Людовику...

До революции было во Франции обыкновение заставлять некоторых, уже знаменитых молодых Ораторов, произносить похвальные слова Св. Людовику, пред Академиею Французской 25 Августа. Аббат Мори, известный многими речами, был для сего избран, и сие появление открыло его талант и составило его счастье.

Милостивый Государь!

Вы прежде сего были искуснее, в ответах на сомнительные вопросы. Ваша память, ваша обширная ученость развивалась с искусством в изображении рыцарских времен Св. Людовика и грубости феодальных дворов Анны Бретанской и Карла VIII; вы не смешивали времен года, степеней широты и климатов, и не говорили: « суровость рановременной зимы восторжествовала над нашею армиею, которая всегда была победоносна в сих удаленных и ужасных странах; « вы вспомнили бы, что сильная стужа в России в Ноябре месяце не есть следствие рановременной зимы; вы остереглись бы напоминать ужасное бедствие, постигшее вашу победоносную армию, и положить на речь свою печать невежества.

Но где сии четыре месяца чудес с одной стороны и мечтаний с другой? В кампании 1812 года, на которую вы весьма некстати обращаете внимание слушателей. Четыре месяца чудес во Франции в 1813 году суть четыре месяца ослепления, которые станут ей весьма дорого; в течении сих четырех месяцев тиранство потребовало больше, нежели могло надеяться;

Любопытно знать, каким образом Французское правительство собрало новые приношения. По прибытии беглеца из Северной армии в Париж, все Префекты 150 департаментов получили письмо следующего содержания: «Его Императорское Королевское Величество, узнав, что жители такого-то Департамента намерены предложить ему 500 лошадей в упряжи и столько-то разных военных припасов, поручил вам изъяснить им Его благодарность, и представить все вышеозначенное в течении месяца, в назначенное место.»

Префекты, оглушенные таким циркуляром, принуждены были писать ко всем главнейшим жителям и помощникам своих округов следующее: «Милостивый Государь мой! Е.И.К.В., узнав о желании вашем предложить ему двух лошадей из вашей конюшни и послать третьего сына вашего в армию, где два старшие уже находятся, поручил мне изъяснить вам, что одобряет ваше усердие и что вы имеете препроводить все свои пожертвования в город ... уезда ... до ... числа текущего месяца. За сим молит он Бога о сохранении Вас под святым своим покровом.»

Наконец, Милостивый Государь, удовлетворив необходимости пресмыкаться пред человеком, прежде нежели преклонитесь перед Богом, вы дерзаете в первый раз призывать религию в храм ее. Вы говорите: «одна лишь религия, соединяя все выгоды Государей и подданных, богачей и бедных, составляет истинную пышность народных торжеств и пр. Без религии нет истинных народных торжеств; ничто не соединяет толпы в одно семейство»; но к кому обращаете вы подобную речь? Религия или политика призывает в вашу церковь двор, являющийся вашим взорам? Какие права имеет сей двор благодарить провидению, сей двор, сотворенный случаем и призывающий в помощь не Бога, а случай! Заблудший и виновный Аарон, подобно вам, приносил жертву золотому тельцу, но не имел дерзости призывать истинного Бога, который в то время открывал таинства веры Моисею: преступая законы, он не смел упомянуть о скрижалях; он не соединял дерзости с безбожием.

Ах, Милостивый Государь, какое трогательное зрелище! Вы, новый Мардохей, наставляете другую Эсфирь, которой слезы со временем не спасут ее народа от ярости второго Артоксеркса. Пусть принуждают ее говорить, что **«сохранение ее супруга столь же нужно для счастья Империи, как и для Европы;»** нельзя противоречить такому простодушию, можно только посмеяться; но когда она присовокупляет, что сей «великий человек равномерно необходим для религии, которую он подъял, должен утвердить, и которую сердечно покровительствует», тогда должно поспешить изъявлением жалости, чтоб избежать порицания. Вы, Милостивый Государь, вы можете ее хвалить, «говорить о ее кротких добродетелях, о благочестивых ее правилах»; ваши похвалы не повлекут на сию несчастную Принцессу того презрения, которое я питаю к вам, я уже давно чувствую уважение и жалость к жертвам политики, изъявляю благоговение к истуканам Богов, хотя они искажены рукою человека.

Вестник Европы, 1811, N1 (изд. Мих. Каченовский)

В СПб недавно напечатана Фр. книга: *Projet d'une Ac. Asiatique*. Читатели Вестника Европы, конечно, останутся нам благодарны за перевод этого сочинения, в котором они заметят многие важные мысли и которое представляет вниманию их новый, с многих сторон привлекательный предмет, изображенный пером искусным.

Пер. [перевел В.А. Жуковский – А.О.]

Мысли о заведении в России Академии Азиатской.

Juvat integros accedere fontes.
Lucret.

Понятие об истории человеческого образования весьма переменялось в конце XVIII века: Восток единогласно наименован колыбелью общего просвещения. Причиной такого чрезвычайного переворота были успехи Англичан в Индии, открытие священного языка Браминов и сочинений Зороастра, критическое рассмотрение книг библейских учеными людьми Германии, наконец учреждение Азиатского общества в Калькутте, и теперь уверены мы совершенно, что Азия есть то средоточие, из которого истекло просвещение, разлившееся по всему земному кругу: сия прекрасная гипотеза, удивительно соответствующая преданиям священным, должна почитаема быть неотвержимою.

.....

Россия, можно сказать, утверждена основанием своим на Азии. Сухая, необъятно обширная граница сливает ее со всеми народами Востока. Но можно ли поверить? Россия из всех Европейских наций одна не обращала никакого внимания на Азию.

Труды Палласа, Георгия и Гильденштета, принадлежащие к царствованию Екатерины II, не были продолжаемы. Надобно заметить, однако, что главною целью сих ученых мужей была Естественная история и что они, ограничив себя одною Сибирью, не проникали во внутренность и в южные страны Азии.

.....

Распространение сведений в языках Азиатских должно ниспровергнуть древнюю систему *общей грамматики* (под словом *общая грамматика* разумеется здесь происхождение и образование языков).

Философы утверждают, что первое состояние человека было так называемое состояние чистой природы, грубое, немногим отличное от состояния животных бессловесных. Они утверждают, что человек, увлекаемый силою необходимости, и переходя от нужды простой к понятиям более сложным, изобрел наконец слово и образовал для себя язык, соответствующий обширности его мыслей. Новые материалисты ужасно мучили ум свой, дабы угадать, какими способами нашел человек искусство соединять понятие со звуком. Одни заставляют его подражать крику животных; другие пению птиц; некоторые объясняют задачу простым механизмом, и все вообще истощают свой ум на построение систем нелепых, стыдясь признаться, что разрешение такого вопроса превосходит их силы: и все вообще хотят доказать нам, что первая эпоха истории человечества есть время грубости животной и мрака. Сие доказательство почитают они гибельным для преданий священных!

.....

Надлежало пройти векам, дабы человек пришел в состояние постигнуть, сколь утомительно злоупотребление слов и частое обращение на одной и той же мысли.

.....

Опыт Калькутского общества служит подпорою этой системе. Оно признается, что слишком рано позволило себе заняться философическими рассуждениями и пространным разбором некоторых истин отдельных. Надобно рыться и потом уже строиться; и истинно важных открытий можем мы ожидать только тогда, когда приобретем технические сведения о востоке, более основательные и глубокие.

.....

Таблицы (соч. Клапротом)

Индийская литература

Курс языка

Опыты в писании буквами Девангарийскими и Бенгалийскими.
Самскритская Грамматика.
Произведение глаголов Самскритских.
Гитопадеза, или басни Вистну-Сармы.
Мегабгарата, поэма на войну Курусов и Пандусов.

Курс литературы

Философия и религия

Система почитателей Браммы.
Система Ламаизма и почитателей Будги.
Система почитателей Вистну.
Система почитателей Хивы.
Картина литературы Индийской.
История и география Индостана.

Desiderata

Лексикон Самскритский.
Грамматика Самскритская.
Перевод Веды.
Перевод Магабгараты.
Перевод драм Калидаза и Джая Девы.
Полный перевод и издание текста Гунта-Говиды.

Литература Китайская и Манджурская

Курс языков

Китайского

Опыты в писании.
Сан-дзу-гвинн (1).
Сиен-дзу-вун (2).
Замечания Грамматические.
Разговоры.
Чтение Кун-дзу (Конфуция).
Сан-гуо-дши (3).
Выбор из летописей.

Манджурского

Грамматика Манджурская.
Разговоры из Синн-вун-ки-мунна (4).
Конфуций на Манджурском языке.
Сан-гуо-дши (3).
Летописи Манджурские.
Синн-ли-дшенн-и (5).

Курс словесности

1. Картина Империи Китайской и ее географии.
2. История Китая в отношении к переселениям народов.
3. Разбор религии Конфуция, Лао-Гиунна и Фое.
4. История Китайской словесности по свидетельствам оригинальным.

Desiderata

Филология

Китайские Лексиконы.

Перевод и издание *Зерцала языков Манджурского и Китайского*, изданного по повелению Императора Киенн-Лунна.

Смесь

Извлечение из летописей Китайских и Манджурских.

Собрание известий, относящихся к Азии, заимствованных из летописей и географии Китайской.

Перевод И-гвинна (6).

Перевод сочинений Лао-дзу (7).

Перевод сочинений Джу-гги (7).

Лексикон Литературы и Истории, подобный Гербелотову.

Примечания

(1) Санн-дзу-гвинн, сочинение, расположенное на параграфы трех букв, содержащее в себе краткое начертание всех тех наук, которыми занимаются в Китае.

(2) Сиенн-дзу-вун, энциклопедия, из тысячи букв состоящая.

(3) Сан-гуо-дши, История трех царств Шу, -Уен и -У, которые образованы были в Китае в III веке.

Дшен-шеу, автор, жил почти в то же время. Эта История славится прекрасным слогом. Манджурский перевод сделан в XVII веке.

(4) Синн-вун-ки-мунн, Манджурская и Китайская грамматика, сделанная в 1727 году. В ней кроме грамматических правил находятся и очень хорошие разговоры на обоих языках.

(5) Син-ли-дшенн-и, Манджурское сочинение о философической системе династии Сунн, написанное в 1718 году по приказанию императора Канн-гги.

(6) И-гвинн, первое из так называемых классических сочинений, в котором объяснены Гуа (символы) Фу-гги.

(7) Лао-дзу и Дшу-гги, два Китайских философа; первый жил за 500 лет до Р.Х., а последний в XII веке по Р.Х.

Литература Арабская, Персидская, Турецкая и Татарская

Курс языков

Арабский

Персидский

Начальные правила Грамматики Арабской для всех начинающих

Грамматика Арабская с приме-
чаниями.

Выписки из Корана.

Гарири.

Арабская хрестоматия, соч.

С.Саси.

Абулфеда.

Персидская грамматика

Гулистан Са'ди.

Емир Кгонд.

Гафиц.

Шах Намет, сочин. Фиргузия.

Турецкий

Татарский

Турецкая грамматика.

Гумайун Намегб (1).

Турецкие летописи.

Фадзули (2).

Бостани (2).

Грамматика татарская.

Абуль Гази Багадур Хан.

Курс Литературы

1. География Азии вообще, и в особенности Азии Магометанской по плану Г. Валя (vorder und mittel-Asien).
2. История династий Магометанских в Азии, с приложением к ней картины Исламизма.
3. История литературы Арабской и Персидской до Магомета.
4. История литературы Магометанской.
5. Статистика Персии и Турции.

Desiderata

Филология

Перевод Арабского Лексикона, называемого Камус.

Перевод Персидского Лексикона Ферганг Джигангунри.

Перевод Турецкого Лексикона Ван-Кули.

История

Арабская

Перевод и издание исторической книги: Тарик Табари, соч. Абу Джафаром.

Полный перевод арабской географии Едризия и Ибн-Гаукаля.

Персидская

Перевод и издание Равдгат-есс-зафы Кмир-Кгонда.

Тарик Гоцидет Гамед-Улла Альказуиния.

Турецкая

Перевод летописей Отманов.

Татарская

Перевод Дербенд-Намего.

Полный перевод Абулгази Багадур-Хана.

История народов Татарских.

Литература

Арабская

Полный перевод Тысяча и одной ночи.

Персидская

Перевод поэм Фирдузия, Гафица, Джалиевой поэмы Юсуф-ва-Зеликга и Нидзамиевой Хозрува-Ширин.

Примечания

- (1) Турецкий перевод Пильпаевых басен.
- (2) Имена двух поэтов Турецких, из которых первый есть сочинитель Китаббенк-ва-бадега.

Литература Еврейская

Курс языка

Фатерова ручная книга Еврейского языка.
Грамматика Еврейская Фатерова.
Моисеевы книги с комментариями Фатера.
Книга Иова с комментарием Шультенса.
Соломоновы Притчи с комментариями Шультенса.

Учебные материалы

Simons Lexicon manuale.
Cocceji Lexicon et commentarius sermonis Hebraici et Chaldeici, ed. Schulzii.
Schultensii Origines linguae Hebraicae.
Michaelis supplementa in omnia lexica Hebraica.
Hetzel histoire de langue Hébraïque.

Курс литературы

Библейская география (Hammelfelds biblische Geographie).
Древности Еврейские (Warnekros Hebräische Alterthümer).
История Еврейская (Bauers Geschichte der hebraischen Nation).
Права Еврейские (Spener de legibus Hebræorum. D.Michaelis, Mosaisches Recht).
Поэзия Еврейская (Herders Geist der Hebräischen Poesie,
Lowth Prelectiones de Poesie Hebræorum, cum epimetrio Michaelis).
Словесность Еврейская (Wolfii Bibliotheca Hebraica. Bartolocii Bibliotheca Rabbīnica).
Кабалистическая Философия Евреев.

ВОСТОЧНАЯ ЗВЕЗДА

литературное приложение

Альманах должен быть литературным или по крайней мере иметь литературное приложение. Поскольку портфель редколлегии не слишком толст, она может себе позволить вести себя в духе времени и развлекать читателя загадками. К тому же, всякий задающий умело вопросы всегда кажется умнее, а редколлегии важно солидно выглядеть. Итак, всякий, сумевший ответить на следующие вопросы, заслужит конфету:

1) Кто является автором нижепечатаемого очерка – эссе – рецензии – крика души?

2) Кто же тот самый «Великий», 400 экземпляров сочинения которого были разобраны в два часа? Его имя для придания загадочности заменено знаком *А*.

3) Что же это за сочинение, столь чувствительно написанное и вызвавшее бурю восторгов? Название этого сочинение заменено в тексте знаком *В*.

И еще один вопрос потруднее:

4) Кому посвящена эта столь нестандартно написанная рецензия и почему?

В

Поэма А .

Книжный магазин блестел в бельэтаже ***ой улицы, лампы отбивали теплый свет на высоко-взгроможденные стены из книг, живо и резко озаряя заглавия голубых, красных, в золотом обресе, и запыленных, и погребенных, означенных силою и бессилием, человеческих творений. толпа густилась и росла. Гром мостовой и экипажей с улицы отзывался дребезжаньем в цельных окнах и, казалось, лампы, книги, люди, – все окидывалось легким трепетом, удваивавшим пестроту картины. Сидельцы суетились. «Славная вещь! Отличная вещь!» отдавалось со всех сторон. «Что, батюшка, читали **В** ?

Нет? Ну, ничего же вы не читали хорошего», бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигуре. – «Каков **А** ?» сказал, быстро поворотившись, новоиспеченный гусарский корнет своему соседу, нетерпеливо разрезывавшему последние листы. – «Да, есть места удивительные!» - «Ну, вот, наконец, дождались и **В** !» - «Как, **В** вышел? Скажите, что это такое «**В** »? Как вам кажется новое сочинение?» - «Единственно! Единственно! Еще бы некоторой картины... О, **А** далеко шагнул!» - «Мастерство то главное, мастерство; посмотрите, посмотрите, как он искусно того...» трещал толстенький кубик с веселыми глазками, поворачивая перед глазами своими руку с пригнутыми немного пальцами, как будто бы в ней лежало спелое прозрачное яблоко. «Да, с большим, с большим достоинством!» твердил сухощавый знаток, отправляя разом пол-унции табаку в свое римское табакохранилище: «конечно, есть места, которых строгая критика... Ну, знаете... еще молодость... Впрочем, произведение едва ли не первоклассное!» - «Насчет этого позволите-с доложить, что за прочность», при-совокупил с довольным видом книгопродавец: «ручается успешная-с выручка денег...» - «А самое-то сочинение действительно ли чувствительно написано?» с смиренным видом заикнулся вошедший сенатский рябчик. «И, конечно, чувствительно!» подхватил книгопродавец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель: «если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа!» Между тем лица беспрестанно менялись, выходя с довольною миною и книжкою в руках. В это самое время Элладий подошел к другу своему Поллиору, рассеянно глядевшему на жадную толпу покупателей. «Не правда ли, милый Поллиор! не правда ли, что ни с чем не можешь сравнить этого тихого восторга, напояющего душу при виде, как пламенно любимое нами великое творение неумолжно звучит и отдается сочувствием во всех сердцах, и люди, кажется, отбежавшие навеки от собственного, скрытого в самих себе, непостижимого для них мира души, насильно возвращаются в ее пределы?» Молчаливо и безмолвно пожелал

Полиор ему руку. Они вышли. Но ни томительный, как слияние радости и грусти, свет луны, так дивно вызывающий из глубины души серебряный сонм видений, когда ночное небо бесплотно обнимется вдохновением и земля полна непонятной любви к нему, ни те живые чувства, пробуждающиеся у нас мгновенно, когда чудный город гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца, - ничто не в состоянии было его вывести из какой-то торжественной задумчивости: какая-то священная грусть, тихое негодование сохранялось в чертах его, как будто бы он слышал в душе своей пророчество о вечности, как будто бы душа его терпела муки, невыразимые, непостижимые для земного... «Что же ты до сих пор», спросил его Элладий, когда они вошли в его уединенную комнату, одиноко озаряемую трепетною лампой: «не поверг от себя дани нашему великому творению? не принес посильного выражения – истолкователя чувств в чашу общего мнения?»

«Ты понимаешь меня, Элладий, к чему же ты предлагаешь мне этот несвязный вопрос? Что мне принести? Кому нужна, кто пожелает знать мои тайные движения? Часто, слушая, как всенародно судят и толкуют о поэте, когда прения их воздымают бурю и запенившиеся уста горланят на торжищах, - думаю во глубине души своей: не святотатство ли это? Не то же ли, если бы кто вздумал стремительно ворваться в площадь, где чернь кипит и суетится, исполняя обычные свои требы, и воссылать, упавши на колени, жаркие молитвы к небу? И что бы сказал я? – «Прекрасно! бесподобно, единственно!» Но выразят ли эти слова хотя одну струю безграничного океана чувств? Бессильные! Они от частого повторения людьми потеряли даже бедное собственное значение. Но еще бессмысленнее, еще смешнее мне кажутся люди, которые дарят поэтов, будто чинами, жалкими эпитетами, называют их первоклассными, как будто поэты, как растения или безжизненные минералы, требуют системы, чтобы удержаться в голове! Великий! когда развертываю дивное творение твое, когда вечный стих твой гремит и стремится ко мне молнию огненных звуков, священный холод разливается по жилам и душа дрожит в ужасе, вызвавши Бога из своего беспредельного лона... что тогда? Если бы небо, лучи, море, огни, пожирющие внутренность земли нашей, бесконечный воздух, объемлющий миры, ангелы, пылающие планеты превратились в слова и буквы – и тогда бы я не выразил ими и десятой доли дивных явлений, совершающихся в то время в лоне невидимого меня. И что они все против души человека? против воплощения Бога? В какие звуки, в какие светлые звуки превращается она, разрешаясь от всего, носящего образ выразимого и конечного, сильным порывом вонзаясь в безобразную грудь его! Как горит, как сохнет бранный страдальческий состав! Как дрожит, как стонет бессильное земное, пока все не сольется в духовное море, пока потоп благодарных слез не хлынет дождем в размученную грудь, не прольет примирения между двумя враждующими природами человека. –

Как суетны люди, требующие отчета впечатлений, произведенных великим созданием поэта, зная наперед, что он не будет ответом на безрассудное желание их! Когда из безобразного земного черепа извлекают результат – ослепительный камень, когда из струн исторгают звуки – какой же они результат хотят извлечь из звуков? Может быть, и исполнится это желание, только когда? – Когда человек исчезнет и душа на ветвях его развалинах воздвигнется в величественном, необъятном здании».

«Итак, по-твоему», спросил его после мгновенного молчания Элладий: «люди не должны делиться между собою впечатлениями и сообщать, как откровения, хотя неполные отчеты чувств, может быть, убедившие бы других в духовной изящности создания?»

«Нет, Элладий, нет! Кто здесь требует убеждения, тому будут бесплодны все твои попытки возмутить его, душу. Разогни перед ним великое творение. Читайте вместе и, если дивные его буквы не ударят разом в тайные струны сердец ваших, обратив в непостижимый трепет все нервы, не брызнут ответными слезами (на глаза) и души ваши почувствуют разделение – закрой книгу и не трать пустых слов. Но, если встретил ты пламенно понимающее тебя чувство – прекрасную половину прекрасной души, твоей – потребуете ли вы друг от друга отчета? К чему бы послужил он вам, когда вы так чудно сливаетесь в одно? И какая презренная радость сравнится с тем мгновением, когда творение разом читается в вас? Как понимаете вы его? «Боже!» часто говорю себе: «какое высокое, какое дивное наслаждение даруешь ты человеку, поселя в одну душу ответ на жаркий вопрос другой! Как эти души быстро отыскивают друг друга, несмотря ни на какие разделяющие их бездны».

Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт! И когда передо мною медленно передвигается минувшее и серебряные тени, в трепетании и чудном блеске, тянутся безконечным рядом из могил в грозном и тихом величии, когда вся отжившая жизнь отзывается во мне и страсти переживаются сызнова в душе моей, – чего бы не дал тогда, чтобы только прочесть в другом повторение всего себя?... Какими бы, казалось, драгоценностями не искупил этого блага? «Возьмите, возьмите от меня все», воскликнул бы тогда с поднятыми руками к небесам: «и ниспошлите мне это понимающее меня существо! Всемогущий! зачем дал Ты мне неполную душу? илиполни ее, или возьми к Себе и остальную половину».

О, как велик сей царственный страдалец! Столько блага, столько пользы, столько счастья миру – и никто не понимал его... Над головой его гремит определение... Минувшая жизнь, будто на печальный звон колокола, вся совокupляется вокруг него! Умершее живет!.. И дивные картины твои блещут и раздаются все необъятнее, все необъятнее, все необъятнее.... И в груди моей снова муки!... Ответные струны души гремят... Звон серебряного неба с его светлыми херувимами стремится по жилам... О, дайте же, дайте мне еще, еще этих мук, и я выльюсь ими весь в лоно Творца, не оставя презренному телу ни одной из божественной капли...

Великий! над сим вечным творением твоим клянусь!.. – Еще я чист, еще ни одно презренное чувство корысти, раболепства и мелкого самолюбия не заронялось в мою душу. – Если мертвящий холод бездушного света исхитит святотатственно из души моей хотя часть ее достояния; если кремень обхватит тихо горящее сердце; если презренная, ничтожная лень

*окует меня; если дивные мгновения души понесу на торжище народных хвал;
если опозорю в себе тобой исторгнутые звуки... О! тогда пусть обольется
оно немолчным ядом, вопьется миллионами жал в невидимого меня, неу-
гасимым пламенем упреков обовьет душу и раздастся по мне тем пронзи-
тельным воплем, от которого бы изныли все суставы и сама бы бессмерт-
ная душа застонала, возвратившись безответным эхом в свою пустыню..
Но нет! оно как Творец, как благодать! Ему ли пламенеть казнью? Оно об-
нимет снова морем светлых лучей и звуков душу и слезою примирения за-
дрожит на отуманенных глазах обратившегося преступника!...*

Содержание 1 выпуска

Конфуций и другие.

стр. 3-22. **Разговор редактора с В.П. Васильевым.** Трогательный рассказ В.П. о жизни и учении Конфуция и значении для нас этого учения с цитированием глубокомысленных суждений, из которых читателю для использования в практической жизни можно было бы посоветовать одно, называемое принципом Масона.

Упоминаемые исторические и легендарные имена: Конфуций, Лао-цзы, Шаньян (государственный деятель Китая, колесованный в 339 г.д.р.Х.), В.П. Васильев, П.С. Попов (первые русские переводчики Конфуция), В.М. Алексеев (советский востоковед) и другие.

стр. 23-42. **Изречения Конфуция на английском и русском языках.** Прекрасное пособие для тех, кто практикуется в английском. Полезно также политикам и тем, кто составляет для них речи.

стр. 43-46. **Адские судьи 10 зал.** Ужасник в переводе П.С. Попова.

Уваров и другие.

стр. 47-68. **Разговор о переходных эпохах и консерваторах.** А.В. выражает свое недовольство отсутствием карт. Трогательный рассказ о Скалозубе, обильно снабженный суждениями лучших представителей и доблестных защитников «отходящего времени»: Уварова, Шатобриана, 2-жи де Сталь и других. Для использования в практической жизни читателю можно было бы посоветовать принцип 6° (Уварова).

стр. 69-87. **Ряд цитат из текстов Шатобриана и Уварова.** Похоже, что А.В. хочет вместе с Шатобрианом напугать несправедливых нарождающимся Тацитом и вместе с Уваровым-Клаудианом тем, что если они будут продолжать подниматься вверх, то рухнут тем более тяжелым падением. (представляю себе, как испугаются несправедливые, когда это прочтут).

Восточная звезда. (Литературное приложение к альманаху).

стр. 88-93. **Загадочный текст.** Не думаю, что кто-нибудь получит конфету.

Предполагаемое содержание следующего выпуска

Все те же лица. Обозначенная тема — экономика. В.П. считает, что поскольку «в начале было Слово», то прежде, чем говорить о том, что зарплата мала, следует определить, что такое зарплата. Кроме того, мы выясним, что «белая лошадь» не всегда лошадь, а «большой вор» — это и вообще что-то другое. А.В. считает, что раньше было лучше, но не совсем, что прежде чем говорить об экономике, следует определить ее аксиомы, и чтобы пресечь зло, следует сжечь все карты. Кроме того, выясняется, что Уваров — замечательный организатор отечественной промышленности — прямо национальный герой, вроде Скалозуба.

Редактор